74(6А8)
Т19

Б. Г. ТАРБА

К 100-летию СУХУМСКОЙ АБХАЗСКОЙ ШКОЛЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Сухуми Издательство «Алашара» 1964

74(6АБ)
Т 19

Б. Г. Тарба

К 100-ЛЕТИЮ СУХУМСКОЙ АБХАЗСКОЙ ШКОЛЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Издательство «Алашара»
Сухуми — 1964

373(c41)
Т19

История основания, развития, роста учебного заведения, где поколениями приобретались знания, формировался характер и была получена путевка в жизнь, всегда пронизана каким-то особым чувством восторга и представляет не простой интерес — она имеет большое воспитательное значение и поучительна даже в том случае, если окрашена некоторой романтикой.

В рамках небольшой брошюры невозможно хоть сколько-нибудь исчерпывающе описать всю столетнюю многогранную жизнь Сухумской абхазской средней школы. Работа исследователя осложняется отсутствием многих нужных архивных материалов школы, пропавших во время русско-турецкой и Первой империалистической войн, а также в дни Великой Отечественной войны. Но отсутствие многих документальных источников восполняется рассказами о былом живых деятелей абхазской национальной культуры, учителей, бывших учащихся и др. Пользуясь случаем, приношу благодарность лицам, поделившимся своими воспоминаниями.

Судьба школы всегда была связана с жизнью Родины и, в частности, абхазского народа, поэтому является необходимость сжато дать понятие об исторических событиях, происходивших со дня ее основания.

В работе кратко будут даны сведения о времени открытия Сухумской горской школы и ее назначении, о преподавателях и учащихся, о материальных условиях работы школы, об учебно-воспитательной работе и о некоторых деталях, связанных с этими вопросами.

Автор.

Жизнь трудящихся в старой дореволюционной Абхазии была невыносимо тяжелой и беспросветной.

Народ испытал на своем веку работорговлю, насильственное выселение, колонизаторский гнет царизма, господство феодальных отношений и в то же время был лишен каких-либо надежд на лучшую жизнь.

В начале XIX века свершилось событие большого исторического значения — Абхазия добровольно присоединилась к России.

Население Абхазии теперь могло чувствовать себя увереннее, исключались всевозможные угрозы и нападения со стороны исконных врагов, то и дело нарушавших мирную жизнь народа и оскверняющих культурное его наследие. Абхазцы получили возможность приобщиться к великой русской культуре.

Под каким бы углом зрения ни смотрело царское правительство на присоединение «туземных народов» к России. какую бы цель оно ни преследовало — оно было вызвано исторической необходимостью и объективно принесло большую пользу народам.

Известно, что без письменности, без обучения грамоте «туземных народов» не могло быть и речи о приобщении их к русской культуре. В эти годы в Абхазии все чаще и чаще ставится вопрос об открытии учебных заведений.

Еще в 1810 году священник Иоселиани в с. Лыхны пытался открыть школу на 12 мальчиков-абхазцев. В 1846 году также была сделана попытка открыть в Пицунде при абхазском архимандритстве духовную школу для просвещения абхазских детей.

В 1851 году в с. Окум была открыта приходская школа. Она была организована миссионером священником Д. Мачавариани. В 1852 г. в с. Лыхны было учреждено духовное училище.

В 1856 году в Сухуми была открыта министерская школа.

В 1868 году епископ Гавриил писал, что жители Самурзаканской Абхазии горячо желают и просят открыть в с. Окум женскую школу, а вместо 2-классной мужской школы — че-

тырехклассное мужское училище, на каковое дело они изъявили желание собрать средства[1].

В эти годы жители местечка Очамчире, сознавая, что существующее временное начальное училище, где обучаются 90 учащихся и числятся кандидатами для поступления в училище более 200 мальчиков и девочек, не удовлетворяет потребности населения в образовании их детей, ходатайствуют об учреждении здесь двухклассного нормального училища за счет казны.

Таким образом, Абхазия после присоединения к России постепенно стала тяготеть к просвещению, к школе. Все настоятельнее стали раздаваться голоса с мест о необходимости открытия новых учебных заведений. Слишком медленно шло развитие сети школ, но неизменно и систематически росло их число.

Эти первые школы сыграли положительную роль в деле развития народного образования в Абхазии, хотя царизм посредством их проводил в жизнь свою основную задачу — утверждения самодержавия на всей территории империи.

— Они являлись источником просвещения населения, — говорит проф. Г. А. Дзидзария, — так как здесь обучали родному и русскому языкам, арифметике, географии, истории. Учащиеся знакомились с произведениями Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Эти школы способствовали повышению грамотности среди населения, сближению русского, грузинского и абхазского населения[2].

Создание учебных заведений в те годы было событием огромной важности для маленького абхазского народа, если учесть то положение, что Кавказ, в целом, характеризовался очень долгое время, как наиболее отсталый край в смысле просвещения.

Намного позже, в 90-х годах прошлого века, в деле канцелярии Попечителя Кавказского учебного округа отмечалось, что образование на Кавказе находится на очень низкой ступени, что Кавказ по образованию приближается к Перу (2%), Индии (1,3%) и Гаити (1%). Даже Япония (8%), Остров Цейлон (5%) и Египет (3%) стоят выше Кавказа по части образования.

---

1 Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960, стр. 247.

2 Его же. Культурные сдвиги Абхазии в XIX веке. «Труды» АБНИИ, т. XXVIII, Сухуми, 1957, стр. 471—472.

Из этого видно, — говорится далее, — что Кавказ нуждается в учреждении правильно организованных училищ, как общеобразовательных, так и профессиональных[1].

Таково было положение в деле просвещения на Кавказе и в Абхазии, в частности.

Как уже говорилось, без создания учебных заведений, через которые можно было бы привлечь на свою сторону народы Кавказа, привить им вкус к русской культуре, трудно было царю провести свою политику и утвердить свою власть в этом крае.

А потому, в 1859 году Александр II утвердил устав о горских школах, которые «должны были способствовать руссификации местного населения. Обучение велось на русском языке и было проникнуто самодержавным духом. При приеме предпочтение отдавалось детям горской знати»[2].

Были открыты школы: Нальчикская — в 1860 г., Грозненская и Сухумская — в 1863 г., Майкопская — в 1866 г. и Назрановская — в 1870 г. Из них Нальчикская — трехклассная с курсом уездного училища, Грозненская, Сухумская и Майкопская — двухклассные и Назрановская — одноклассная; при всех школах, кроме того, имелись приготовительные классы[3].

Д. И. Гулиа в своей статье «История горской школы», касаясь даты открытия школы, писал, что 20 октября 1859 года, по представлению Кавказского наместника, император согласился, «в виде пробы», открыть сроком на 4 года горские школы. Сухумская школа была рассчитана на 20 мальчиков, обучавшихся за счет государства; из этих 20 мальчиков 15 было абхазцев, а 5 мест отводилось для сыновей русских чиновников. В штате этой школы предусмотрено было: один смотритель, 3 преподавателя, два учителя катехизиса. Для всех них была установлена заработная плата в размере 1932 руб. 70 коп. в год. На содержание всех 20 мальчиков определили 1200 руб. (60 руб. на одного) в год.

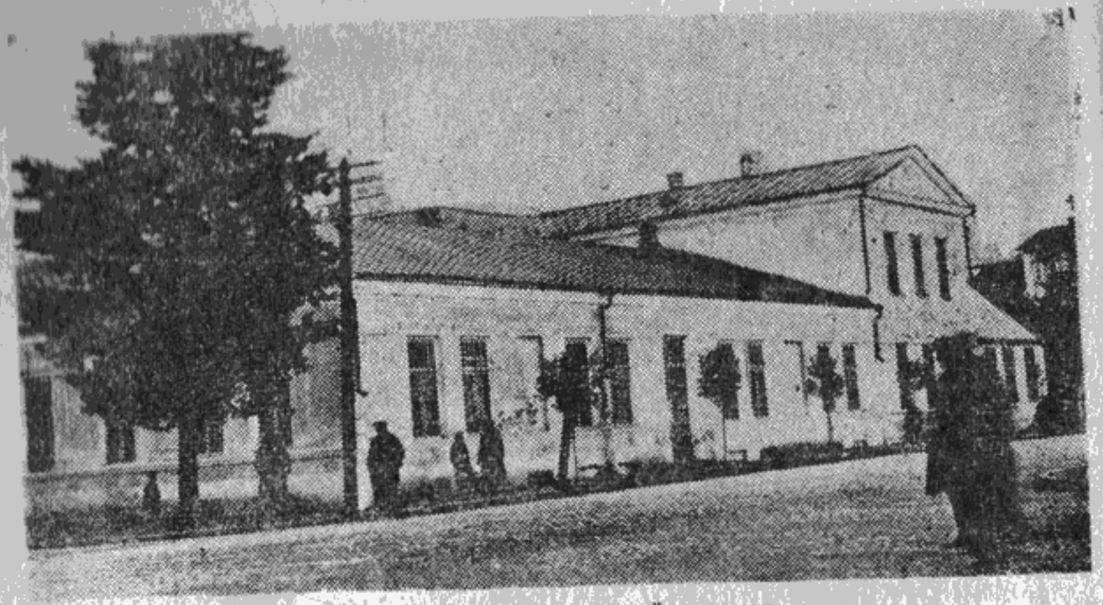
Обучение велось 5 лет (3 года в подготовительных классах и 2 года в I и II классах)[4].

Вначале Сухумская горская школа помещалась в доме попа Ситницкого (за арендную плату). Это помещение было слишком тесным для классных комнат, учителей и пансиона.

К концу 1863 года число учащихся достигло 49 человек.

---

1 ГИА Грузии, ф. 493, оп., — ед. хр. № 200, лист 5.
2 Педагогический словарь, Москва, 1960, стр. 273.
3 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, д. 2792, стр. 1.
4 Д. И. Гулиа, соч., т. 4, статья: «История горской школы», Сухуми, 1962, стр. 140.



Старое здание горской школы.

В 1864 году уже учащиеся помещались в более просторном и светлом здании; оно арендовалось у майора Сидоровича за 800 руб. в год. В 1867 году за счет государственной казны было приобретено для школы здание с земельным участком за 5000 руб. (на улице Ольгинской, ныне ул. Пушкинская)[1].

Так постепенно начинает укрепляться и расширяться материальная база горской школы. В этом большая заслуга абхазского населения, так как сознание необходимости образования для своих детей никогда не остывало у абхазцев. Об этом свидетельствуют архивные материалы горской школы, где встречается множество документов, говорящих о большой помощи абхазского населения, постоянно оказываемой в благоустройстве здания школы и, вообще, в расширении ее материальной базы.

Несмотря на тяжелое положение абхазского населения, последнее отдавало свои скудные средства на строительство школьных зданий. В этом принимали участие не только низшие классы, но и привилегированное сословие абхазцев, которое доставляло материалы для горской школы. Таким путем население выстроило одну школу в селении Лыхны[2].

Каждый раз, когда возникала необходимость в укреплении материальной базы школ, на помощь приходило население. Если от государства отпускались кое-какие средства, то они далеко не обеспечивали нужд школ. В 1910 году было выстроено новое здание для горской школы. Причем, по настоятельному требованию абхазского населения, начальник Кавказского учебного округа П. Ф. Рудольф вынужден был ассигновать на эту цель 5000 руб., а остальные 5000 руб. внесли на строительство школы абхазцы[1].

Можно себе представить огорчение населения, когда один из учителей, проживавших в отдельном здании, принадлежащем школе, случайно сжег его дотла. Сгорел и архив со всеми старыми документами.

После убийства в 1866 г. на Лыхненской поляне крестьянами царского чиновника Коньяра, в Абхазии участились восстания. События этого периода повлияли и на школу.

В годовом отчете смотритель этой школы писал, что вследствие «холеры» (как он называл народное волнение — Б. Т.) занятия начались очень поздно, и пока возникший бунт не остыл, некоторые учащиеся не приехали, а другие, в связи с обстановкой, не решились явиться в школу[2].

Не скоро удалось школе восстановить прежний режим.

В 1877—1878 годах горская школа была закрыта вследствие разразившейся русско-турецкой войны. Весь архив школы был отправлен в Кутаиси. Дела школы за 1877 год, отправленные командующим Сухумским военным округом Кравченко, по пути затерялись[3].

В отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1877 год сообщалось о том, что война с Турцией затруднила правильное развитие государственной жизни во всей империи, а в особенности в тех частях ее, которые близки к театру военных действий. Неприятель ворвался в Абхазию. Все учебные заведения, как казенные, так и частные, в том числе и сельские школы, прекратили свою деятельность. «Сухумская горская школа и женская прогимназия сожжены. Имущество их расхищено неприятелем, а из учащихся многие увезены турками в Трапезонд»[4].

Много бедствий принесла эта война народам. Она принесла немало страданий, в частности, населению Абхазии, которая уже более полвека была связана с русским народом. Абхазия уже давно черпала знания жизни у русского народа с его передовой культурой, являющейся неиссякаемым источником развития культуры отсталых народов.

---

[1] Д. И. Гулиа, соч., т. 4, Сухуми, 1962, стр. 140.
[2] Там же.

[1] ЦГИА Грузии, ф. 433, оп. 17, ед. хр. 145, лл. 14, 15.
[2] Д. И. Гулиа, соч., т. 4, Сухуми, 1962 г., стр. 139.
[3] Там же.
[4] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 171, д. 2346, л. 60.

Обстановку, после окончания русско-турецкой войны, в крае Г. Гулиа описывает следующими словами: «Русско-турецкая война окончилась. В Абхазии наступило относительное спокойствие. Улетучился страх перед вторжением войск султана. На картах появился Сухумский военный отдел, входивший в Кутаисскую губернию... Во главе округа стали генералы, чьи взгляды мало чем отличались от взглядов английских колонизаторов прошлого века... Абхазия для них была трофеем, землей, завоеванной силой оружия; абхазцы — туземным населением. И если все-таки вершились добрые дела, то правители к ним мало были причастны. Все это делалось... при помощи многих добрых и культурных русских интеллигентов. В 1863 году, например, была открыта в Сухуми горская школа, так называемая двухклассная... Это было одно из первых каменных зданий в Сухуми после того, как из города во времена махаджирства выселились абхазцы, а город был сожжен и разрушен»[1].

* * *

В 60—70 годах прошлого века в Абхазии наблюдается некоторый подъем и дальнейшее развитие просвещения, несмотря на жесткую колониальную политику царизма. Инспектор школы Общества восстановления православного христианства в Закавказье Д. З. Бакрадзе в 1863 — 1867 гг., осмотрев школы Абхазии, особенно подчеркивал стремление народа к просвещению и способности детей к учению. Впоследствии он отмечает успешное изучение абхазскими детьми русского языка, а также родного «по новому букварю».

Цифры и сведения, приведенные в отчете о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 год, показывают, что «ежегодно возрастающая потребность в образовании и воспитании далеко не удовлетворяется наличным числом школ».

Признавалось, что необходимо значительное увеличение средств для развития существующих и открытия новых учебных заведений, которые могли бы принять тысячи и тысячи детей школьного возраста, остающихся на Кавказе вне всякого, даже элементарного образования.

Растущая тяга к образованию заставляет родителей ходатайствовать об открытии новых учебных заведений для их детей.

---

[1] Георгий Гулиа. Дмитрий Гулиа. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, 1962, стр. 18.

Так, город Пятигорск ходатайствовал о преобразовании прогимназии в гимназию; города Баку, Дербент и Сочи просили об открытии у них гимназий; города Тбилиси, Поти, Армавир, Карс, Петровск и Сухум — о прогимназиях. Все эти ходатайства и отдельные настоятельные просьбы родителей указывают на созревшую потребность в открытии средних учебных заведений, как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Об этом писал попечитель Кавказского учебного округа М. Завадский[1].

В 1900 году в г. Сухуме открылись два учебных заведения: городское училище и реальное училище. Об открытии реального училища в г. Сухуме имеется следующее заключение:

«По своим географическим и этнографическим условиям г. Сухум вполне оправдывает ходатайство об учреждении в нем реального училища. Среднее учебное заведение этого типа в Сухуме, как в центральном городе всего Черноморского побережья, будет с большими удобствами обслуживать в образовательном отношении обширную территорию и даже привлечет детей из Новороссийска и Батума, не имеющих реальных училищ»[2].

Государственный Совет в соединенных департаментах промышленности, наук и торговли и Государственной экономии, рассмотрев представление Министерства народного просвещения об открытии в г. Сухуме реального училища от 12 декабря 1903 года, удовлетворил просьбу Сухумской думы и открыл в городе реальное училище.

Открытие этих учебных заведений во многом повлияло на рост и развитие горской школы: «С 1901 года, — пишет Д. И. Гулиа, — постепенно число учащихся этой школы стало уменьшаться, так как некоторые своекоштные учащиеся поступили в «Городское училище», а некоторые — в «Реальное училище»[3].

Значение горской школы постепенно стало умаляться, население жаловалось на слишком ограниченные знания, получаемые в ней учащимися.

В то время, как в 3-классном городском училище велось обучение бесплатно, в горской школе с каждого своекоштного

---

[1] Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 год, Тифлис, 1902, стр. 72.

[2] «Изложение дела» Министерством Народного Просвещения. Г. Зенгером, пред Государственным Советом от 31 октября 1900 г. № 33699, лист 2.

[3] Д. И. Гулиа, т. 4, Сухуми, 1962, стр. 141.

мальчика брали за обучение по 10 рублей. Весьма печальной стороной жизни горской школы являлись тяжелые материальные условия, в которых приходилось ей работать. О крайне тяжелом положении ее свидетельствуют отчеты, акты, протоколы педсоветов и другие архивные материалы. Государственная казна всегда скупилась при ассигновании на содержание школы.

Правда, школа имела небольшое подсобное хозяйство, затем средства поступали как от государственного казначейства, так и от военного ведомства, но все это в целом давало мизерную сумму, далеко не обеспечивавшую нужды школы.

Положение еще более ухудшилось в начале XX века, а особенно — накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Дмитрий Гулиа, характеризуя условия работы школ того периода, писал: «В одной сельской школе нет потолка, рамы без стекол, нет дров, нет сторожа»; в другой — «со всех сторон дуют сквозняки; в третьей — «детей обучают в частном доме, мебели нет никакой, некоторые дети усаживаются на днища деревянных тазов»; в четвертой — «на абхазском, грузинском и русском занимаются в одно и то же время разом»; в пятой — «пока нет учебы»[1]. В акте № 1 от 1914 года 24 января в денежной отчетности за 1913 год по содержанию школы с пансионом отмечено, что «вследствие дороговизны жизненных продуктов, ассигнованной на содержание пансиона и школы суммы в 1913 году не хватило, поэтому остались неоплаченными счета торговцев за поставленные в декабре продукты, на сумму 225 руб. 22 коп.»[2]

Учителя не знали, как выйти из постоянной нужды. То ли увеличить плату за содержание учащихся в пансионе, то ли просить абхазское население об оказании школе материальной помощи. И то и другое было испробовано много раз.

Характерно заглянуть в протокол № 17 педсовета школы от 2 июля 1915 года. «Пед. Совет обратил внимание на крайне скудные средства, отпускаемые на содержание пансиона. Согласно Высочайше утвержденному в 1859 году Уставу о горских школах, на содержание 20 пансионеров отпускается по 60 руб. в год на каждого и на содержание других 20 по 80 руб. в год. Никаких дополнительных ассигнований за все время существования пансиона не было... при страшной дороговизне жизни кормить, одевать и обувать пансионера на 60—80 руб. не представляется никакой возможности. Приходится отказывать в удовлетворении самых насущных потребностей, и, несмотря на это, в течение целого ряда последних лет ежегодно получался дефицит, который, вследствие особых ходатайств Педагогического Совета, покрывался из остатков от кредита инспекции училищ Сухумского округа по § 9 ст. 2., чтобы выйти из столь затруднительного положения». Далее говорится о том, что «Педагогический Совет школы неоднократно обращался к... Попечителю Кавк. Уч. Округа с ходатайствами об увеличении кредита, отпускаемого на содержание пансиона горской школы. Такое ходатайство, между прочим, было возбуждено в последний раз в 1913 году и осталось без удовлетворения»[1].

Яркой картиной, рисующей тогдашние условия работы школ, является описание жизни Окумской школы ее учеником К. Мачавариани. Он писал: «Помещение этой школы (Окумской — Б. Т.) по своему устройству представляло в полном смысле шалаш, крытый папоротником и поддерживаемый 4 столбами... Нельзя сказать, чтобы мы были сыты, одеты, обуты и, бывало, иной раз со страхом и трепетом посматривали на чудные яблоневые и грушевые прутики, предназначенные для нас, но тем не менее готовили уроки добросовестно... учились с особенным удовольствием и в особенности отличались по чистописанию, хотя приходилось писать на собственных коленях, имея только гусиные перья да клочок бумаги, а вместо чернил — разведенную в воде сажу»[2].

Здесь же оговоримся, что Сухумская горская школа, поскольку она была центральной, городской, безусловно, кое-какие преимущества перед другими сельскими имела, но тем не менее и она находилась в очень затруднительном материальном положении.

В 1917 году условия жизни горской школы еще более ухудшились. «Воспитанники ходят в буквальном смысле слова босыми, — говорилось на педсовете, состоявшемся 23 марта 1917 г. Правда, некоторые из них, более или менее состоятельные, приобрели уже собственную обувь. Но есть много и таких, которые по своей бедности не в состоянии сделать этого и принуждены ходить без обуви. Не лучше обстоит дело и с платьем пансионеров: носятся костюмы, пошитые в начале прошлого года и не обещающие прослужить до конца 1917 года»[3].

---

[1] Г. Гулиа, Д. И. Гулиа, Москва, 1962, стр. 18.
[2] ЦГАА Арх. № 6а, стр. 4.

[1] ЦГАА, арх № 6а, стр. 25.
[2] К. Мачавариани. Абхазия и народное образование в ней. Журн. «Вестник воспитания», 1892, № 6, стр. 128—129.
[3] ЦГАА, арх. № 6а, стр. 89.

Далее читаем: «...на городском рынке совершенно отсутствуют в продаже такие продукты, как мясо, крупа (кроме пшена), картофель, капуста и т. п.; а если эти продукты появляются в продаже, то отпускаются они в самых ограниченных размерах. А это ставит хоз. комитет школы в тяжелое положение по части прокормления пансиона: очень часто бывают дни, когда буквально ничего нельзя достать на базаре»[1].

В связи с таким затруднительным положением педсовет решил сократить учебный год в переходных классах и прекратить занятия «к 1 мая, к каковому времени, согласно сделанного в заседании заявления учителей, будут закончены программы по всем предметам школьного курса»[2].

Педсовет (прот. № 9, 1917 г.) «постановил: ввиду крайне тяжелого материального положения школы и невозможности содержать пансион без материальной помощи, просить Г. Председателя пед. совета школы, комиссара Сухумского округа, кн. Ал. Гр. Шервашидзе, ходатайствовать лично пред особым Закавказским комитетом и Управлением Кавказского Учебного округа об отпуске из земских средств Закавк. края или каких-либо имеющихся в их распоряжении средств в дополнение к имеющимся у школы средствам в качестве единовременного пособия 5100 руб. на содержание пансиона при Сухумской горской школе»[3].

Ввиду недостатка средств и вытекающей отсюда невозможности приобрести для пансионеров обувь и костюмы было решено «обязать родителей казеннокоштных пансионеров снабдить детей своих собственною обувью и будничным костюмом, о чем сообщить им заблаговременно через Сухумский Окружной комиссариат. Вместе с сим объявить родителям казеннокоштных пансионеров, что у школы не хватает средств даже на одно прокормление пансионеров до конца года, поэтому, если они желают, чтобы дети их жили в пансионе школы, то они должны придти школе на помощь доставкой для своих детей кукурузной муки по 2 пуда в месяц на каждого мальчика, а также фасоли»[4].

Будучи уверенными в доброжелательном отношении абхазского населения к Сухумской горской школе, учителя без всякого замедления обращались к нему за помощью в каждом тяжелом случае. Население всегда шло навстречу школе. Дело доходило до того, что родители сами содержали пансион, т. е. доставляли своим детям и пищу и обувь.

---

[1] ЦГАА, арх. № 6а, стр. 90.
[2] Там же.
[3] Там же, стр 95.
[4] ЦГАА, арх. № 6а, стр. 96, прот. пед. совета № 9, 1917 г.

В конце августа 1917 года всем родителям пансионеров были отправлены письма, принесшие в села пренеприятную весть о сложившемся тяжелом материальном положении для горской школы.

Вот одно из них.

«Г. Комиссару Моквинского сельского общества.

Так как казна и теперь отпускает на содержание пансиона при вверенной мне школе такую же сумму, какую она отпускала до войны, то содержать пансион на те же самые деньги при нынешней дороговизне жизни совсем невозможно, поэтому педагогический совет школы в заседании своем, состоявшемся 8 августа с. г. под председательством товарища Комиссара Сухумского округа, постановил объявить родителям всех пансионеров школы, что в наступающем учебном году детям их будет предоставлено в школе только помещение и белье, все же остальное—обувь, одежда и пища—у пансионеров должно быть свое.

Сообщая об этом, прошу Вас возможно скорее объявить под расписку на сем же родителям ученика вверенной мне школы Сергея Гарцкия, проживающим в сел. Моквы, чтобы они, отправляя 1-го сентября сына своего Сергея в школу, снабдили его обувью, костюмом, а также кукурузной мукой и фасолью пока хоть на один месяц и чтобы каждый из последующих месяцев высылали ему в школу такое количество кукурузной муки и фасоли, какое необходимо сыну их в течение месяца... И. д. смотрителя школы Вл. Соколов 1917 г. 26 августа»[1].

Нельзя здесь не видеть огромную силу воли учителей горской школы. Они сумели не только сохранить школу, но и превратить ее в культурно-просветительный очаг для абхазского населения. При каждом удобном случае они старались привлечь внимание и участие населения к жизни школы.

Ярким примером призыва к абхазскому населению о помощи является письмо Вл. Соколова, адресованное председателю Абхазского культурно-просветительного общества и председателю общества распространения просвещения среди абхазцев в сентябре 1917 года. «Ожидать помощи от государства... не приходится, — говорится в письме, — я беру на себя смелость сказать, что помочь горской школе — дело абхазцев, ибо эта школа является единственным абхазским учебным заведением. Отвернуться от нее, не помочь своим же родным, голым, босым и голодающим детям, значит — закрыть глаза на все светлое, не любить свой родной народ, который так нуждается в просвещении.

---

[1] ЦГАА, ф. 31, д. 52, л. 13.

Не допускаю мысли, чтобы существующие в Сухуме абхазские просветительные общества позволили умереть горской школе, просуществовавшей более полувека, выпустившей за это время из своих стен до 700 детей, преимущественно абхазцев»[1].

1917 г. 12 ноября состоялось заседание педсовета школы.

Председательствующий товарищ комиссар Сухумского округа С. П. Басария доложил педсовету, что вопрос о материальной необеспеченности пансионата школы обсуждался и что необходимые для поддержания пансиона средства будут даны школе Абхазским народным советом в конце месяца.

В тяжелом безвыходном положении находились особенно те пансионеры, которые не в состоянии были приобрести собственную обувь, они ходили, в буквальном смысле слова, босыми.

Денег не хватало на одежду, обувь, пищу и даже на топливо. «Посоветовался, — пишет Вл. Соколов, — ...со своими учителями и получил от них согласие отправиться в лес и работать вместе с учениками. Однако я считаю грехом взваливать такую тяжелую работу на 13 — 14-летних мальчуганов. А раз так, то школа должна остаться на зиму без полена дров»[2].

В неимоверно трудных условиях работали учителя горской школы. Получая крайне скудное содержание, они вынуждены были в ущерб своим прямым обязанностям искать заработков на стороне.

Несмотря на все это учителя продолжали работать энергично, кропотливо, с большим желанием. Благодаря им школа не только сохранилась, она превратилась в наиболее организованное учебное заведение Абхазии с постоянным контингентом учащихся.

* * *

Сухумскую горскую школу стали все чаще и чаще посещать крупные царские чиновники.

Если проследить со дня ее открытия, то перед нами предстанет следующая картина. «В день открытия горской школы, вспоминает Д. И. Гулиа — (4 апреля 1863 года) присутствовал командующий войсками в Абхазии генерал-майор Шатилов. В этот день здесь присутствовала высшая знать города Сухуми»[3].

[1] ЦГАА, ф. 31, д. 52, лл. 28, 29.
[2] ЦГАА, ф. 31, д. 52, лл. 28, 29.
[3] Д. И. Гулиа, соч., 4, г. Сухуми, 1962 г., статья «История горской школы».

При обозрении края ее посетил Главноначальствующий на Кавказе, князь Дондуков-Корсаков. После этого школу осмотрели окружной инспектор Кораваев и инспектор школ общества восстановления христианства на Кавказе Лихачев.

В 1872 году школу посетили принц Ольденбургский вместе с князем Святополком-Мирским. Затем, 10 июня 1880 г. ее осмотрел Наместник Кавказский, которого сопровождали гвардии генерал князь Григорий Шервашидзе, правитель канцелярии начальник Сухумского отдела майор Гребенщиков и почти весь административный персонал Сухумского отдела. Позже здесь побывал Наместник на Кавказе генерал Корсаков (1884 г.), министр хозяйства Ермолов (1894 г.), начальник Кавказского учебного округа П. Ф. Рудольф (1908 г.) и др.

Цель таких посещений ясна. Это царская знать держала школу под пристальным наблюдением, чтобы она верно служила царю.

О той тревожной обстановке, которая создавалась в эти дни внутри школы, ясно и красочно пишет бывший ученик горской школы — М. Лакербай в рассказе «Тайное письмо». В нем рассказывается о том, как в одно утро вдруг в школе все перевернулось вверх дном! Инспектор школы, воспитатели — все заметались, стремясь навести образцовую чистоту. Воспитанников подвергли повторной обработке и выдали все новое, начиная от постельного белья и кончая верхней одеждой и обувью. Начали кормить в изобилии вкусными, невиданными до сих под блюдами. Выяснилось, что едет сам попечитель Кавказских учебных заведений. И едет он для того, чтобы проверить, преданы ли ученики престолу и отечеству и достаточно ли они грамотны, чтобы с честью служить «всемилостивому государю». («Советская Абхазия», 27 ноября 1963 года).

Правда, среди подобных посетителей были люди разного взгляда на жизнь, но одно ясно, что школа должна была стать той «просветительной служанкой царя», которая бы развивала религиозные чувства и расширяла бы масштабы влияния русской культуры и царского самодержавия на этой земле.

* * *

Что касается системы обучения в горской школе, то ведущее место в ней, безусловно, занимал закон божий. В «отчете по учебной части Сухумской начальной горской школы» за 1868 год[1] написано о том, как законоучитель объяснял ученикам приготовительного класса праздники в православной церкви

[1] Архив Кавказского горского управления, ф. 545, д. 531, л. 11 об.

(рождество святой богородицы, благовещение, рождество Христово и т. д.). В первом классе ученики занимались священною историею ветхого завета, а во втором — повторением священной истории ветхого завета и чтением евангелия и т. д. и т. п.

Такое усиленное изучение религиозного учения со стороны законоучителей вызвано было еще и следующим фактором:

«Усиление в начале 1820-х годов тайной магометанской пропаганды, вызвавшее среди абхазцев массовое движение в магометанство, указывало на необходимость прибегнуть к твердым мерам борьбы против этой пропаганды, как особенно опасной на соседней с мусульманским государством окраине»[1].

Исходя из всего этого, почти все предметы в школе старались преподносить на фоне закона божьего. Вследствие этого учащиеся не могли познать окружающую жизнь, не могли получить ясного представления о законах развития человеческого общества.

В целях распространения христианства среди «туземцев» церковнослужители старались использовать всевозможные средства. В этих целях использовался и родной язык местного населения.

В 1880 годах уже «ученики-абхазцы и менгрельцы знают молитвы не только по-славянски, но и на своих родных языках, и вообще преподавание ведется на началах обособленности абхазского элемента»[2].

Характерно для того времени следующее. В конце прошлого века русские чиновники, видя непросвещенность и темноту основного абхазского населения, с рвением стали расширять сферу влияния своей культуры. С ними стали соревноваться в распространении своей культуры и грузинские их конкуренты. С таким же усердием навязывали Абхазии свою веру христиане, с одной стороны, магометане, с другой.

Что касается абхазского населения, то оно равнодушно относилось к какой бы то ни было вере (и христианской и магометанской).

В конце XIX века один из просвещенных экзархов Грузии писал: «Абхазцы, именуясь христианами, по-прежнему остаются полуязычниками, или не признают никакой религии, или считают себя магометанами, находятся под влиянием са-

1 ЦГИА, ф. 733, оп. 172, д. 2237, л. 2.

2. Из доклада Попечителя Кавказского учебного округа Министру народного просвещения о состоянии учебных заведений от 1886 г. (ЦГИА, ф. 733, оп. 171, д. 2346, л. 24).

мозванных мулл, исполняют все обычаи и обряды магометанства и язычества»[1].

Поразительно, с какой силой конкуренции и зависти друг к другу вели борьбу за овладение абхазским населением русские и грузинские националисты.

Обер-прокурор святейшего синода, статс-секретарь К. Победоносцев 21 августа 1903 года в своем «Изложении дела» докладывал о том, что грузинское духовенство стремится навязать абхазцам свою культуру, с каковою целью и ведется ими усиленная тайная пропаганда[2].

Абхазскому народу было не легче ни в том, ни в другом случае, ни от того, что одни действовали тайно, а другие — открыто.

Такое давление ощущалось не только в Сухумской горской школе. Оно распространилось на всей территории Абхазии, и особенно проявилось в религиозном просвещении.

Неоднократно педсовет горской школы ставил вопрос о подготовке абхазцев для преподавания закона божьего на родном языке. В этих целях требовалась своя письменность. Она у абхазцев уже была. А именно: еще в 1862 году комиссией в составе И. А. Бартоломея, Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Трирогова был составлен абхазский букварь. В составлении букваря большую роль сыграли, по словам председателя комиссии И. А. Бартоломея, «природные абхазцы» — священник Иоанн Гегия, прапорщики Георгий Курцикидзе и Симеон Эшба. Перед изданием в 1883 г. букварь был пересмотрен и исправлен К. Г. Шервашидзе, а затем и Г. А. Шервашидзе. И в1885 году букварь был издан в г. Тифлисе»[3].

Чуть позже были переведены на абхазский язык молитвенник и священная история. Поборниками в разрешении вопросов религиозного просвещения были церковнослужители. А настоящие просветители своего народа преследовали совершенно иную цель. Они способствовали улучшению изучения родного языка, развитию родной литературы, изданию учебных книг и т. д.

В 1892 г. Д. И. Гулиа и Д. Мачавариани издали абхазскую азбуку. «Давид Мачавариани подал мне мысль, — вспоминал Д. И. Гулиа, составить абхазскую азбуку. Это было в 1890 году. Со своей стороны он обещал помочь методическими советами (абхазского языка он не знал). Но прежде чем садиться за составление азбуки, надо было решить вопрос

1 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 172, д. 2237, л. 2.

2 Там же, л. 2.

3 Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение, Абгосиздат, Сухуми, 1960, стр. 241.

об алфавите, ибо усларовский и бартоломеевский алфавиты были практически неприемлемы. Азбуку мы закончили в 1891 году, а через год она вышла в свет. Вот с этой поры абхазцы и начали читать книги на родном языке»[1].

Это было большим событием в жизни абхазского народа. В горской школе преподавался и родной, абхазский язык, с помощью которого можно было лучше и быстрее изучить русский язык и молитвы. Таким образом родной язык носил чисто служебный характер. Он нужен был как подсобное средство в изучении закона божьего и русского языка. Он изучался во внеурочное время.

Передовая интеллигенция Абхазии постоянно подавала голос за улучшение постановки преподавания родного языка.

«Преподаватель абхазского языка Д. И. Гулиа, — говорится в одном протоколе педсовета, — не находя возможным проведение национализации в полной мере, высказался за усиление преподавания в школе родного языка. К мнению Гулия присоединились и другие члены педагогического совета и постановили: отвести абхазскому и русскому языкам по одинаковому количеству недельных уроков и преподавание абхазского языка вести в урочное дообеденное время, а не после обеда, как это было в предыдущие годы.

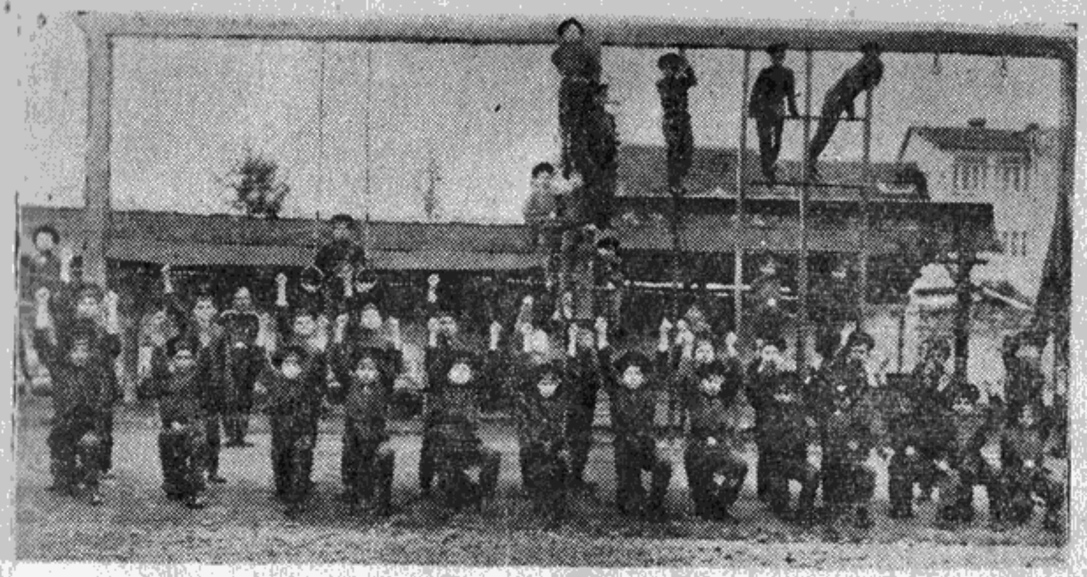
Соответственно этому педагогический совет выработал следующую таблицу недельных уроков:

	1 отд.	2 отд.	3 отд.	I кл.	II кл.
Закон божий	4	4	4	2	2
Абхазский язык	6	6	6	6	6
Русский язык	6	6	6	4	4
Арифметика	6	6	6	5	3
Геометрия	—	—	—	1	2
История	—	—	—	2	2
География	—	—	—	2	2
Естествознание	—	—	—	1	2
Внеклассн. чтение	1	1	1	1	1
Пение	1	1	1	1	1
Гимнастика	1	1	1	1	1»[2].

Что касается других общеобразовательных предметов, то нет надобности доказывать, что изучение их было непрочным, малоэффективным. Отсутствовали единые программы, учебники, учебно-методические пособия. Так было вплоть до установления Советской власти.

[1] Советские писатели. Автобиографии в двух томах, т. 1, Госиздат. художествен. литературы, Москва, 1959, стр. 367.

[2] ЦГАА, Арх. № 6а, стр. 101.



Урок гимнастики в горской школе.

Точно выработанной министерской программы не существовало, и учителя школы ежегодно сами составляли программы по всем предметам перед началом учебного года, причем в программу вносилось по возможности самое необходимое.

Таким образом каждая школа по своему усмотрению строила обучение детей. А в горскую школу приезжали дети из разных сел с разными уровнями знаний.

В конце XIX в. сложность в работе учителей вызывалась еще и тем, что классы были слишком переполнены. Так, на одного преподавателя (Джугели) приходился 91 ученик, отсюда ясно, как шло обучение детей.

Однако, по материалам отчета Кавказского учебного округа тех годов мы убеждаемся в том, что в Сухумской горской школе работали несколько иначе, чем в других горских школах Кавказа.

В отличие от других горских школ, Сухумская строила свои учебные программы более расширенно.

«В Сухумской же, — говорится в одном из отчетов Кавказского учебного округа, — программы и число уроков несколько расширены, применительно к городским училищам, в виду того обстоятельства, что ни в Сухуме, ни поблизости от него нет других учебных заведений, чтобы учащиеся могли приобретать сведения в большом размере, нежели как это назначено для двухклассных школ»[1].

[1] Центр. Государственный исторический Архив СССР, ф. 733, оп. 203, д. 2792, л. 24.

В Сухумской горской школе введены учебники по русской грамматике Иловайского и Пуциковича и по естественной истории Лихачева, Сент-Илера, Бекетова и Раевского. В прочих горских школах учебники остались прежние»[1]

Как бы ни старались учителя Сухумской горской школы усилить обучение детей, все равно знания выпускников оставались низкими.

* * *

Очень много внимания в старой горской школе уделялось обучению различным профессиям.

В конце прошлого века в отчете Кавказского учебного округа писалось:

«Во всех же горских школах, кроме гимнастики и пения, производится обучение разным мастерствам — столярному, токарному, переплетному... кроме того, практическое ознакомление с садоводством, шелководством, огородничеством и пчеловодством»[2].

В разное время в горской школе учащиеся приобретали такие специальности, как токарное, столярное, сапожное, переплетное, огородничество, садоводство, пчеловодство, фельдшерское искусство, корзиноплетение и др.

«Трудовое обучение у нас было поставлено очень хорошо», вспоминает А. М. Чочуа, который обучался в горской школе еще в 1892—1897 годах. Андрей Максимович рассказывает о том, как Ф. Т. Богданов (смотритель школы), приехавший из Киевской губернии, большое внимание уделял трудовому обучению. «Он был агрономом по профессии, — говорит А. М. Чочуа, — и очень любил заставлять нас трудиться на школьном участке. Так проходило трудовое обучение».

* * *

Однако, как уже говорилось, учащиеся не могли получать прочных необходимых знаний по общеобразовательным предметам. Дисциплина и посещаемость учащихся и учителей тоже не способствовали этому.

«Серо и монотонно протекали дни в школе, — вспоминал Д. И. Гулиа, — только каникулы вносили разнообразие в нашу жизнь. Учебный год начинался первого сентября, но никто не приезжал раньше середины месяца. В декабре нас отпускали на пятнадцать дней, а возвращались мы только через

[1] Там же.
[2] ЦГИА СССР, ф. 733 оп. 203, д. 2792, л. 126.

месяц. То же случалось и на пасху. Никто не обращал внимания на это нарушение правил. Кроме того, были церковные и «Царские праздники», поэтому мы учились не больше шести месяцев в году»[1].

В одном отчете Кавказского учебного округа говорится о том, что во всех горских школах учителями пропущено уроков около 5%. Больше всего пропущено в Сухумской школе — 11% и меньше всего в Грозненской — 1,4%... Число педагогических советов было в Грозненской школе 48, Нальчикской — 34, Назрановской — 16, Майкопской — 10 и Сухумской — 8[2]. Все это не могло не нарушать учебного процесса.

* * *

Некоторый интерес вызывает постановка воспитательной внеклассной работы старой горской школы.

В одном из постановлений педагогического совета школы даны следующие установки для дежурных надзирателей.

«При всех вечерних занятиях детей дежурный надзиратель обязан находиться безотлучно с ними во все время дежурства: во 1-х, помогать детям к подготовлении уроков; во 2-х, поддерживать занятия настолько разнообразно, чтобы дети не скучали; в 3-х, в известных и нужных случаях принимать участие в их разговорах между собою, чтении книг и проч.; в 4-х, поправлять неправильное выражение, допущенное детьми при разговоре, чтении и объяснении на русском языке и в 5-х, являться постоянно неотлучным и добросовестным руководителем во всех занятиях детей в течение своего дежурства»[3].

Установки были даны, с точки зрения воспитательской неплохие. Однако постоянное пребывание надзирателя с детьми и те строгие наставления, которые постоянно выслушивали последние, не могли не сковывать инициативу и самостоятельность детей.

Это безусловно отрицательно влияло на расширение кругозора детей, на познание ими окружающей жизни. Дети и их желания всегда были зависимы от настроения надзирателя.

— Так как школа считалась военизированной, — вспоминает А. М. Чочуа, — и форма учащихся в то время была наподобие формы воспитанников кадетских корпусов: темная, фуражки с красными околышами и красными воротниками на кителях.

[1] Д. Гулиа. Избр. произв. Государ. издательство художеств. литературы, Москва, 1958, стр. 369.
[2] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, д. 2792, л. 125.
[3] ЦИА, ф. 433, оп., Арх. № 189, л. 35 об.

В столовой старой горской школы.

В горской школе законы были жесткими. Учителя нужно было называть «господином» и беспрекословно выполнять все его указания.

— Моим учителем был Соколов, а смотрителем школы — Попов, — вспоминает Б. А. Кация, — обучавшийся здесь до революции. Имя и отчество того и другого я не помню, так как ученикам не разрешалось называть по имени и отчеству. Положено было называть «господин смотритель», «господин учитель».

Перечить учителю или смотрителю было невозможно. Очень характерен для старой школы такой случай.

— До смотрителя школы Попова дошел слух, что ученики Купалба Махгы и Малия М. не крещены, — рассказывает Б. А. Кация, — Попов сейчас же об этом сообщил епископу Андрею и в скором времени Купалба и Малия здесь же в школе в торжественной обстановке были крещены. Крестными отцами были епископ Андрей и смотритель школы Попов.

25 января 1916 года педсовет школы принял постановление, еще раз убеждающее в жесткости тогдашних школьных порядков. В этом постановлении записано: «убавить Петрашевскому (допустившему клевету на законоучителя — Б. Т.) отметку по поведению за 3-ю четверть до 3 -и наказать его стоянием в углу в течение месяца на всех устных уроках. Настоящее постановление объявить отцу Петрашевского и предупредить, что при повторении подобного поступка педсовет не затруднится уволить его из школы»[1].

Вместе с тем учителя проводили и хорошие мероприятия в деле воспитания детей. Это заключалось в основном в установлении контакта с родителями. Например, в 1914 году в

[1] ЦГАА, Арх. № 6а, стр. 56.

январе педсовет школы рассмотрел вопрос о привлечении к участию в заседаниях педсовета представителей от абхазского населения, что нельзя не признать положительной стороной работы учителей.

Было решено ходатайствовать «перед Его Превосходительством Г. Попечителем Кавк. Учебн. Округа» о разрешении приглашать в заседание Пед. Совета школы двух представителей от абхазского населения Сухумского Округа, по одному от Гудаутского и Кодорского участков.

— Педсовет созывался очень редко, — говорит Б. А. Кация. — И когда он созывался, мы все выглядели празднично, так как на нем решались вопросы, связанные с жизнью школы, в целом, в основном — хозяйственные, материальные. В этот день нас одевали по-праздничному.

По положению председательствовал на педсоветах начальник Сухумского военного округа, как попечитель школы.

Здесь хочется вспомнить о генерал-майоре Геймане, который внес некоторые новые порядки в жизнь горской школы. Он был начальником Сухумского округа в 70 годах прошлого века. В эти годы генерал-майор Гейман предлагает «ввести преподавание на абхазском языке».

Он обосновывал это тем, что обучение, которое ведется на русском языке, ничего уч-ся не дает, так как дети слушают и дома и в ученической среде только свой родной, абхазский язык, а русский — только на уроке.

Он рекомендовал ввести обучение на родном (абхазском) языке в одних школах, и на русском в других школах Сухумского округа. Генерал Гейман считал, что «по истечении некоторого времени чрез сравнение успехов обучения тем и другим способом может быть выведено окончательное заключение о том, которому из этих двух способов преподавания следует отдать предпочтение.

Нет никакой возможности, — говорил он, — одному учителю в продолжение 2—3 лет обучить мальчиков русскому языку сколько-нибудь удовлетворительно, а при таком условии всякое обучение на русском языке не принесет никаких полезных результатов»[1].

Генерал-майор Гейман считал необходимым открытие в г. Сухуми женской школы, «ввиду того, что женщины, которые в таком заведении получат воспитание в строгом христианском направлении, не могут впоследствии не влиять самым благотворным образом на укрепление вообще христианства в том крае, а равно и на искоренение существующих ныне в

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. — ед. хр. № 436, л. 19.

населении Абхазии самых неразумных понятий о значении женщины в семействе»[1].

Интересен и другой документ, говорящий о некотором внимании генерала к детям-абхазцам. Содержание его таково:

«Желая воспитанникам из абхазцев дать понятие о лучшей жизни, облагородить их чувства, слелать их смелыми пред старшими и приличными в обращении, его превосходительству генералу майору Гейману угодно, чтобы каждое воскресенье, по очереди, два воспитанника из абхазцев обедали у него, что и исполняется. До настоящего времени удостоились обедать у его превосходительства 8 воспитанников. Кроме этого, по приказанию его превосходительства, все воспитанники были два раза в театре и пять из абхазцев на елке, устраиваемой в доме благородного собрания»[2].

Лучшие выпускники школы направлялись в гимназии и семинарии других городов. Такая традиция существовала с первого десятилетия основания школы, Так, в 1875 году из 10 окончивших курс учения «поступили:

— В Кутаисскую гимназию 1;
— Ставропольскую семинарию 2;
— Императорский Никитский сад 1;
— Ставропольскую гимназию 2»[3].

* * *

С конца XIX века горская школа уже не отвечала тем требованиям, которые выставлялись местным населением, и вообще стала по объему знаний, получаемых учащимися в ней, отставать от быстротечной жизни.

В этот период в г. Сухуми назрел вопрос об открытии ремесленного училища или же среднего учебного заведения. Этот вопрос настоятельно выставляется местным населением, а затем Сухумской думой.

Общество восстановления православного христианства на Кавказе стало требовать передачи Сухумской горской школы духовному ведомству для преобразования ее в духовное училище для абхазцев.

Мотивировкой для этого послужило отсутствие духовной школы в округе и то, что абхазцы «не признают никакой религии»... так называемая горская школа, в которой отведено самое скромное место для закона божьего и русского языка, не может иметь благотворного влияния на... местное население в духе русской народности и православия»[1].

А смотрители школы з свою очередь ходатайствовали о преобразовании двухклассной горской школы в четырехклассное учебное заведение. Далее Начальник Кавказского учебного округа Яновский К. П. поставил вопрос о реорганизации школы в ремесленное училище с сельскохозяйственным отделением.

Для такого преобразования школы горожане выделили школе 50 десятин земли[2].

Хотя Министерство в Петербурге согласилось на это последнее ходатайство, но дело так и не подвинулось.

* * *

Учащиеся постоянно болели. Особенно свирепствовала лихорадка. В 1875 году в горской школе всего болело 35 человек, из них 26 лихорадкой.

Болезни постоянно наблюдались и в других горских школах, о чем ясно говорят отчеты педсоветов этих школ. Особенно это замечалось в конце XIX и начале нынешнего века.

В одном отчете Кавказского учебного округа написано: «Случаев заболеваний во всех школах (Грозненская, Сухумская, Нальчикская, Майкопская и Назрановская — Б. Т.) было 770, из них 53% падает на лихорадку...

По количеству заболеваний 1 место занимает Сухумская школа 371»[3].

Конец подобным заболеваниям был положен здесь позже, лишь только с помощью советской медицины.

* * *

В 1903 году в г. Сухуми возникла социал-демократическая организация. В эти годы, особенно после расстрела рабочих 9 января 1905 года, революционная волна распространилась и на Грузию и Абхазию.

В г. Сухуми под руководством большевиков стали проводиться демонстрации, стачки ,забастовки. Повсюду стали создаваться вооруженные отряды революции. В Гудаутском и Гальском районах дело дошло до ликвидации царской администрации.

Народные волнения не могли не дать положительных результатов, особенно в области просвещения. Царь вынужден был пойти на некоторые уступки.

---

1 ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. — ед. хр. 436, лист 21.
2 Отчет по учебной части Сух. нач. горской школы за 1868 год Кавказск. горск. управления, ф. 545, д. 531, л. 16.
3 ЦИА Груз. ССР, ф. 433, оп. — Арх. № 189, лл. 11—12.

1 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 172, д. 2237, л. 2.
2 Д. И. Гулиа, соч. т. 4, Сухуми, 1962, стр. 140.
3 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, д. 2792, л. 126.

В начале XX века в Сухумском округе стала расширяться сеть одноклассных и двухклассных начальных школ, а в самом Сухуме существуют уже городское и реальное училища, не считая женской гимназии и городских начальных школ. Так в первом десятилетии XX века население Абхазии получило несколько учебных заведений.

Среди них Сухумская горская школа была единственной в своем роде центральной школой для всего абхазского населения. Здесь обучались, как и прежде, в основном сельские дети. Стало быть, сельские школы являлись поставщиками контингента школы.

Кстати, сельские начальные школы даже и в более поздний период очень слабо готовили учащихся. И когда детей привозили в горскую школу для продолжения обучения, то редко кто из них выдерживал экзамен, вследствие чего родители начинали выражать свое возмущение... «Родители этих детей, почему-то предполагавшие, что дети их будут во что-бы то ни стало непременно приняты в пансион Сухумской горской школы, выражали недовольство. Совет (педагогический — Б. Т.) находился тем более в затруднительном положении, что не было между ними и недовольными родителями посредников, которые урезонили бы их насчет существующего в горской школе порядка относительно приема детей»[1].

Поэтому решено было, чтобы вместе с самыми лучшими учащимися, рекомендованными для поступления в Сухумскую горскую школу, приезжали бы их учителя, которые могли бы служить в роли посредников между учителями школы и родителями. Все это говорит о тех трудностях, с которыми сталкивалось население Абхазии при попытке определить ребенка в школу. Дело заключалось в том, что в Сухумской горской школе прием был очень ограниченным. Были казеннокоштные учащиеся, которые содержались в пансионе за государственный счет, и так называемые собственнокоштные, не говоря о приходящих. Плата была установлена и с тех и с других. Об ограниченности приема детей в школу, с одной стороны, и о настоятельном требовании родителей определить своих детей в школу, с другой стороны, свидетельствуют многочисленные протоколы заседания педсовета школы.

Например, в одном протоколе педсовета записано: «Ежегодно в пансионе Сухумской горской школы бывает не более 8—10 казеннокоштных вакансий, тогда как кандидатов на них является более 100. Не имея возможности воспитывать детей на свои средства, многие родители этих детей абхазцы

[1] ГИА Грузии, ф. 422, оп. — ед. хр. 189, л. 17 об. и 18.

раз по 5—6 привозят их к экзаменам, надеясь, что наконец-таки их дети попадут в пансион горской школы, но...попасть в пансион очень трудно, и в результате: дети перерастают школьный возраст и тем лишаются права на приобретение и пополнение знаний»[1].

В отчетах Кавказского учебного округа почти всегда отмечалось большое желание абхазского населения обучать грамоте своих детей. В частности, в одном из них говорилось о том, что абхазцы «просят о зачислении детей своих на казенный счет школы и даже на свой счет и, при доставлении детей в школу, убедительнейше просят обращать на них особое, отеческое внимание»[2].

Гуманные учителя, составляющие педагогический совет школы, не раз обращались с законными требованиями об улучшении условий работы школы, об увеличении контингента учащихся и в связи с этим увеличении бюджета и т. д.

Однако, эти ходатайства зачастую оставались без всякого ответа со стороны руководства учебных заведений. Учителя школы, при любых условиях, старались проявить заботу и внимание к учащимся. Справедливость — вот чем старались руководствоваться учителя в своей воспитательной работе. Нередко они смело защищали обиженных, неимущих, но способных детишек. Известно немало случаев, когда руководству учебных заведений приходилось считаться с мнением педсовета школы.

В 1911 году 13 февраля попечитель горской школы Н. Рудольф вынужден был докладывать попечителю Кавказского учебного округа: «В пансионе при Сухумской горской школе освободились 3 горские стипендии, замещение которых зависит от усмотрения Вашего сиятельства.

Педагогический Совет названной школы, принимая во внимание крайнюю бедность родителей учащихся в школе абхазцев Микамба Ивана, Джанашия Шота, Маргания Николая, а также хорошие успехи сих учеников, вошел с ходатайством о предоставлении названным ученикам свободных стипендий.

Вследствие сего имею честь почтительнейше просить разрешения Вашего сиятельства на приведение в исполнение означенного ходатайства педагогического совета названной школы»[3].

Может быть Н. Рудольф не совсем склонен был защитить бедных и неимущих учащихся, но настоятельные требования справедливых учителей принуждали его писать о их просьбе.

[1] ЦИА гр., ф. 422, оп. — ед. хр. 17870, л. 14.
[2] Там же, ф. 733, оп. — д. 2792, стр. 1.
[3] ЦИА гр., ф. 422, оп. — ед. хр. 17870, л. 14.

* * *

Говоря о контингенте учащихся, нельзя не коснуться национальных и сословных признаков последних.

Со дня своего открытия Сухумская горская школа обучала вместе с детьми-абхазцами и детей других национальностей, населяющих Абхазию. Это не встречало со стороны абхазского населения не только возражения или протеста, мол, школа открыта специально для абхазцев, а, наоборот, это принято было как должное, и школа продолжала воспитание поколения в духе дружбы между детьми разных наций.

Д. И. Гулиа в статье об «Истории горской школы» (1919 год), касаясь дня открытия ее, пишет: «Детей, учащихся в этот день было всего 12 человек (абхазцев и менгрельцев), обучающихся на свои средства»[1].

Со дня открытия по настоящее время здесь проходят обучение дети самых различных национальностей. Сухумская абхазская средняя школа является образцом интернационального воспитания молодого поколения.

В отчетах педсовета школы за различные годы прошлого и нынешнего века мы встречаем одну и ту же картину: интернациональный состав школы. Здесь следует вернуться к началу зарождения школы и заглянуть в список учащихся, чтобы представить себе картину национального и сословного характера контингента школы. Например, к 1 января 1869 года состояло налицо 42 ученика. В том числе:

а) по национальности:

1)	абхазцев	— 17
2)	русских	— 15
3)	менгрельцев	— 3
4)	греков	— 3
5)	осетин	— 1
6)	армян	— 1
7)	чеченцев	— 1
8)	поляков	— 1
	Всего:	42

б) по сословиям:

Дворян и чиновников	—	31
Духовного звания	—	3
Городских сословий	—	3
Нижних чинов	—	5
Всего:		42

[1] Д. И. Гулиа, соч., т. 4, Сухуми, издание Абгиза, 1962, стр. 137.

Как мы видим, состав учащихся интернациональный. Но одно непременно бросается в глаза — это преобладание детей дворян и чиновников, что прекрасно характеризует само назначение школы: в первую очередь принимать и обучать детей горской знати.

К 1-му января 1875 года учащихся было 96, в том числе:

по национальностям:

абхазцев	—	42
грузин	—	24
русских	—	17
греков	—	5
болгар	—	2
армян	—	2
немцев	—	1
евреев	—	3
Итого:		96[1]

Итак, на протяжении 100 лет в стенах этой школы получили грамоту представители многих национальностей, населяющих Родину. Это безусловно достойно всякого одобрения, несмотря на то, что правительство, как об этом уже говорилось, открывало школы не для того, чтобы помочь малым народам на окраинах поднять их самобытную культуру, развивать просвещение или поднять материальный уровень жизни, а с целью руссификации «туземных народов». В конце XIX века и в начале XX века резко ухудшилось отношение к изучению родного языка.

А. М. Чочуа рассказывает о том, как в конце прошлого века в горской школе был установлен день (четверг), когда учащиеся не имели права говорить на родном языке.

В 1912 году в этой школе учился Б. А. Кация, ныне работник Министерства просвещения, который, вспоминая годы учения в горской школе, говорит: — Был введен такой порядок: ученики не имели права говорить между собой на родном языке. Кто был замечен в этом, тому вешали на шею специальный ярлык, с которым он и ходил. При повторном нарушении ученик на второй день лишался обеда.

Таковы были порядки в старой Сухумской горской школе.

В 1914 году, как известно, началась первая империалистическая война. Она своеобразно отразилась на жизни Сухумской горской школы, к берегам Абхазии стали проникать вражеские корабли. Произошло следующее: однажды, два не-

[1] ЦИА, ф. 433, оп. — ед. хр. Арх. № 189, лл. 9—10.

мецких корабля «Бреслау» и «Гебен» приблизились в Сухуму и обстреляли город в районе Маяка. Хотя мгновенно корабли скрылись, но тем не менее это вызвало большое волнение в городе.

После этого случая руководство учебным округом решило немедленно эвакуировать горскую школу.

Решено было школу эвакуировать на Северный Кавказ. Через некоторое время попечитель Кавказского учебного округа Рудольф получил из Северного Кавказа от смотрителя Сухумской горской школы рапорт следующего содержания:

«Пансион Сухумской горской школы прибыл из Квирилы в Георгиевск 31 декабря и неделю находился в реальном училище... Пансионеров 34. Отведенное для спальни помещение крайне тесно.

В холодное время (в январе) в пансионе были острые простудные заболевания...»[1].

В скором времени, в июле м-це 1915 года, учащиеся горской школы со своим школьным имуществом возвратились из города Георгиевска в Сухуми. Была ли необходимость в эвакуации школы, судить, безусловно, поздно. Неприятное впечатление оставляют те трудности, с которыми была связана сама эвакуация, тот трудный путь, который был пройден учащимися школы.

После возвращения горской школы к себе в Сухуми жизнь ее опять потекла по-прежнему. Также ограничен был прием детей в школу, так же основная масса детей оставалась вне школы.

В. И. Ленин, разоблачая политику «народного затемнения», проводимую царским правительством, писал:

«Полицейский сыск, полицейский произвол, полицейские помехи просвещению народа вообще и рабочих в особенности, полицейское разрушение того, что делает сам народ для своего просвещения, — вот к чему сводится вся деятельность министерства»[2].

Полнейшее политическое бесправие народов, национальное угнетение, темнота и невежество — таков был удел и абхазского народа в те годы.

Настолько низка была грамотность народа, что редко можно было встретить в том или ином селе человека, умеющего читать и писать.

---

[1] ГИА Абхазии, арх. № 22, стр. 19, 1915, г. Георгиевск, Терской области.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 118.

Отсюда вполне естественно, что при попытках открыть школу приходилось нанимать учителей, не считаясь с уровнем их грамотности.

В конце прошлого века в одном из отчетов Кавказского учебного округа даются следующие данные об учителях горских школ: «Во всех пяти горских школах (Грозненской, Сухумской, Нальчикской, Майкопской и Назрановской — Б. Т.) состояло: попечителей 5, смотрителей 5, из них 1 высшего образования, 3 среднего и 1 низшего; штатных учителей 21, из коих 11 среднего образования, 9 низшего и 1 имеющий звание учителя; учителей по найму 3, прочих служащих 1»[1].

Характеризуя учителей горской школы, работавших в 90-х годах и позже, А. М. Чочуа подчеркивает, что в основном они были выходцами из трудового народа. Это обстоятельство было очень важным.

Среди них были и такие, которые в поисках более справедливой жизни, чем в царско-помещичьей России, отправились на далекий Юг—на Кавказ и в другие окраины России.

А. П. Дудко, много поработавший над изучением истории дореволюционной школы в Абхазии, пишет о том, что учителя, работавшие в школах нашего края, «являлись представителями той интеллигенции, которая всегда была против политики царского правительства... всегда была на стороне трудового народа. Эти учителя, сами большей частью выходцы из трудового народа, никогда не были заражены великодержавным шовинизмом, всячески стремились помочь местному населению, искренне и бескорыстно работали среди него, несли народам Грузии и Абхазии свет, знания, культуру»[2].

Совершенно справедливо замечание Дудко А. П. о том, что вместе с колонизаторской политикой царского правительства всегда можно было ощущать «две силы, две тенденции, прямо противоположные друг другу: с одной стороны, реакционная политика царского самодержавия, преследовавшая проявления всего национального, самобытного и тормозившая развитие культуры нерусских народов, а с другой стороны, русская прогрессивная педагогика, русская общественность, русский народ, который боролся за свою народную педагогику и в то же время протестовал против угнетения царизмом других национальностей и помогал нерусским наро-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, д. 2792, л. 124.

[2] А. П. Дудко, Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851—1917 гг.) Сухуми, 1956, стр. 57.

дам как в развитии своей национальной культуры, так и в приобщении этих народов к богатой русской культуре»[1].

«Ни в одном из архивных материалов, — пишет А. П. Дудко, — ни разу не встречается указаний на то, что кто-либо из русских рядовых учителей, работавших в школах Абхазии, вызвал бы недовольство местного населения своим шовинизмом, оскорблением его чувств и национальной гордости»[2].

— Учителями у нас были люди хорошие — выходцы из народа, — вспоминает А. М. Чочуа, — преподавали они с желанием.

Говорить о подготовленности учителей не приходится, так как по существующим тогдашним порядкам обучения не могло быть и речи о высокой квалификации обучающих. При отсутствии единых программ и планирования учебного процесса, разные школы находились на различных уровнях своего назначения. Там, где работал более или менее подготовленный учитель, обучение шло нормально, а там, где оказывался неподготовленный, малообученный учитель, знания учащихся были непозволительно низки. Вместе с тем горская школа вырастила для Абхазии замечательных людей, впоследствии сумевших повести свой народ к свету, к простору, к свободе радостного труда.

В горской школе обучались, а впоследствии сами здесь обучали детей вместе с русскими учителями: Ф. Х. Эшба, Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, Н. С. Джанашия и другие видные деятели науки, культуры и просвещения, выходцы из трудового абхазского народа.

Назовем имена и тех, кто руководил (смотрители-директора) горской школой в различные периоды, начиная со дня ее открытия до установления Советской власти в Абхазии: В. Н. Троие[3], М. Г. Зоценко (с 1 марта 1868 года); К. Д. Мачавариани (с июля 1875 г.); Г. Гогоберидзе (1878 г.); Ф. Т. Богданов (1894 г.); В. Х. Гарцкия; Аджамов (после Гарцкия В. Х.); Г. Сидоров (1904 г.); Погуляев (1910 г.); К. Попов (до 1915 г.); В. Соколов (1915 г.); Алания Дмитрий (1919 г. по 1922 г.).

В дни столетнего юбилея школы особенно хочется вспомнить тех замечательных людей, которых она вырастила и от которых зависело ее дальнейшее процветание.

---

[1] А. П. Дудко, Указанная работа, стр. 113.
[2] Там же, стр. 54.
[3] Д. И. Гулиа в статье «История горской школы» в газете «Апсны» за 1919 год писал о том, что В. Н. Троие, как смотритель школы, в 1864 г. отчитывался на педсовете за первый год учебы.

В горской школе учился, а затем здесь учительствовал Ф. Х. Эшба. Он родился в 1858 году в селе Бедия.

В подробном описании жизни и деятельности Ф. Х. Эшба в своей книге «Из истории дореволюционной школы в Абхазии» А. П. Дудко подчеркивает: «Учился он сначала в Бедийской школе, затем в Сухумской горской школе, которую он окончил с отличием первого ученика, после чего был направлен на казенный счет в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. После окончания учительской семинарии Фома Христофорович с 1 июля 1880 года начинает свою педагогическую деятельность в качестве учителя Ново-Афонской школы.

С тех пор в течение долгих 46-ти лет Фома Христофорович занимается педагогической деятельностью»[1].

Он работает в самых различных селениях Абхазии и Грузии (Новый-Афон, Лыхны, Очамчире, Цаленджихи). Везде, где бы он ни работал, пользовался большим уважением со стороны учащихся и их родителей.

«Очень любопытны для Д. И. Гулиа были встречи с молодым и неуемным учителем Фомой Эшба — автором книг для абхазских школ»[2], — пишет Г. Гулиа.

Большие заслуги Ф. К. Эшба в воспитании и обучении поколения неоспоримы. В 1893 году он был произведен в чин коллежского регистратора со старшинством с 1 января 1891 года. Был удостоен знаками отличия: 1) серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди и 2) орденом св. Станислава 3-й степени[3].

Ф. Х. Эшба является старейшим учителем-абхазцем, одним из первых просветителей Абхазии. Его по праву называют «Дедом абхазской школы». Эшба является автором историко-этнографического очерка «Местечко Очамчире, селения Илори и Беслахубы»[2] и первого задачника на абхазском языке — Аҳасаб шэку Апсны ашколқуа рзы («Сборник арифметических задач для абхазских начальных училищ», Тифлис, 1907)[4].

Задачник Эшба, — отмечает Г. А. Дзидзария, — долго обслуживал абхазские школы, а очерк его, посвященный описанию домашней промышленности и ремесел Абхазии, не потерял своей ценности и в настоящее время. Ф. Х. Эшба, кроме того, принимал деятельное участие в комиссии по перево-

---

[1] А. П. Дудко, «Из истории дореволюционной школы Абхазии», стр. 75.
[2] Г. Гулиа, Д. И. Гулиа, «Молодая Гвардия», М., 1963, стр. 51.
[3] ЦГИА Грузии, ф. 42, оп. № — ед. хр. № 10995, лл. 23, 24, 25.
[4] СМОМПК, вып. XI, 1891.

ду на абхазский язык книг и учебников. Между прочим, он является автором популярной абхазской застольной песни «Шьарда аамта» («Долгие лета»)[1].

Горская школа привила вкус к грамоте у Д. И. Гулиа, который впоследствии стал не только основоположником абхазской литературы, но проявил свои незаурядные таланты в научной и педагогической деятельности.

В 1883 году 9-летнего Дмитрия Иосифовича Гулиа отец привез в Сухум, намереваясь устроить его в горскую школу, но ни в этом году, ни в следующем году не пришлось учиться мальчику. Лишь на третий год отцу удалось устроить маленького Дмитрия в школу.

«Пришла пора идти в школу, — вспоминает Д. И. Гулиа, — тогда мне минуло восемь лет (родился я в 1874 году, 21 февраля по новому стилю). После долгих пересудов отдали в учение местному священнику. Он меня выучил письму и чтению.

Года через три отец настоял на том, чтобы я поступил в Сухумскую горскую школу, специально открытую для абхазских детей в 1863 году.

Три года подряд отец возил меня в Сухуми. Смотритель школы находил всевозможные предлоги, и меня не принимали. Эти мытарства я описал в очерке «Три школы». Наконец я поступил в школу, которую и окончил (два класса и три подготовительных отделения)»[2].

В 1889 году Д. И. Гулиа заканчивает горскую школу и в том же году поступает в Закавказскую учительскую семинарию в г. Гори. Как уже говорилось, в 1892 году Д. И. Гулиа и К. Д. Мачавариани издают «Абхазскую азбуку».

В середине первой четверти нашего века Д. И. Гулиа преподает абхазский язык в горской школе. 27 февраля 1919 года в г. Сухуми выходит первый номер абхазской газеты «Апсны». Ее редактирует Д. И. Гулиа.

В 1924 году Дмитрий Иосифович в Тбилисском государственном университете читает курс абхазского языка.

Педагогическую работу он сочетает с научной. В 1825 году выходит в свет его «История Абхазии».

В 1929 году организуется в г. Сухуми Академия абхазского языка и литературы. Ее председателем был Д. И. Гулиа.

Огромны заслуги Гулиа перед своим народом, во имя роста и процветания которого он жил.

[1] Г. А. Дзидзария. Присоединение..., стр. 254.
[2] Советские писатели. Автобиография в двух томах. Том I, ГИКЛ, Москва, 1959, стр. 366.

В 1937 году Д. И. Гулиа присваивается звание Народного поэта Абхазии, что явилось радостным событием в жизни нашего народа.

До последних дней своей кипучей жизни Дмитрий Иосифович творил. Его поэзия лилась вечно молодо, свежо и прозрачно, подобно горному роднику.

Очень много сделал Д. И. Гулиа для поднятия просвещения своего народа. Он долгое время учительствовал. Его учебники, написанные для абхазских детей, не утеряли ценности и в наши дни.

Замечательным питомцем Сухумской горской школы, сделавшим очень много в развитии народного просвещения Абхазии, является Андрей Максимович Чочуа.

А. М. Чочуа родился в 1878 г. в с. Адзюбжа, Кодорского участка, в семье крестьянина. В горскую школу А. М. Чочуа поступил в 1892 г. Учился всегда только на «5». Школу окончил в 1897 г. Затем Андрей Максимович продолжает учебу в Тифлисской школе садоводства, которую заканчивает в 1901 году. В школе садоводства А. М. Чочуа по практическим занятиям получил оценку пять с половиной. Так захотелось учителю, по его словам, «чтобы люди удивлялись». Это говорит о его прилежности и способности.

В 1905 году Андрей Максимович успешно заканчивает Тифлисский учительский институт. После окончания педагогического учения он с присущей ему энергией берется за улучшение распространения просвещения среди абхазского населения, за составление абхазского букваря, который вскоре выходит из печати. И с 1909 года абхазские дети обучаются по составленному им букварю.

Огромны заслуги А. М. Чочуа перед абхазским народом. Андрей Максимович находился на различных должностях в нашей республике, но никогда он не выпускал из поля зрения просвещение своего народа. Составляет учебники, направляет работу органов просвещения.

Букварь, составленный Андреем Максимовичем для самых маленьких школьников и переизданный много раз, является образцом для составления учебников и сегодня.

Одним из старейших учителей — просветителей Абхазии является Виктор Халылович Гарцкия, имя которого также связано с жизнью Сухумской горской школы, где он получил первоначальное образование.

«Видным абхазским педагогом и общественным деятелем был Виктор (Тархуна) Халылович Гарцкия, — пишет проф. Г. А. Дзидзария.

В. Х. Гарцкия вместе с Ф. Х. Эшба окончил Горийскую учительскую семинарию. Он работал учителем Очамчирского училища, директором Сухумской горской школы»[1].

В. Х. Гарцкия оставил немало работ, посвященных развитию устного творчества своего народа.

Перу его принадлежит работа «Из абхазских народных преданий и поверий: 1. Озеро Пананцкур. 2. Абрскил (Абхазский Прометей)» и др.

В горской школе учился, а затем здесь учительствовал Н. С. Джанашия.

Известный педагог, краевед и общественный деятель Н. С. Джанашия (1872—1918 гг.) родился в селе Адзюбжа, Кодорского участка. Педагогическую работу Джанашия начал в 1891 году в Сухумской горской школе, питомцем которой он был; с 1894 года заведовал Гудаутской министерской школой. Прекрасно владел абхазским и грузинским языками. Н. С. Джанашия считался большим знатоком преподаваемого им русского языка.

Н. С. Джанашия впоследствии становится крупным советским ученым и общественным деятелем.

Несмотря на недостатки в работе старой горской школы, она внесла неоценимый вклад в развитие культурно-просветительного дела нашего народа, особенно в подготовке кадров.

Достаточно назвать имя питомца этой школы крупного революционера Ефрема Алексеевича Эшба, который вместе с другими революционерами поднял абхазский народ на борьбу со старыми порядками и в 1921 году провозгласил Советскую власть в Абхазии.

* * *

После того, как в России была установлена Советская власть, в Грузии и Абхазии в течение более трех лет еще бесчинствовали предатели рабочего класса—грузинские меньшевики. Полную путаницу и неразбериху внесли они в хозяйственную и культурную жизнь республики. Их владычество характеризуется годами разорения, нищеты и полуголодного существования трудящихся масс.

В дни меньшевистской смуты горскую школу уже совершенно забросили. Никто не интересовался ею. Двери школы пришлось закрыть.

Школа была превращена в казарму меньшевистской ар-

[1] Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России и его значение, стр. 254.

мии; парты, классные принадлежности — все попортилось, местами полы прогнили и провалились, окна побились[1].

Что хорошего могли принести с собой меньшевики кроме разорения народа!

Г. Гулиа в своей книге «Д. И. Гулиа» в сжатой форме дал характеристику бесчинств меньшевиков в Абхазии. Он пишет:

«Что принесли меньшевики Абхазии?

Социальную справедливость? Нет, ведь по-прежнему бесчинствовали князья, дворяне и торговцы. Может быть, сытую жизнь? Напротив, люди голодали и бедствовали, как никогда. Может быть, они способствовали развитию национальной культуры? Совсем напротив: они оскверняли ее как могли. В горской школе, которая для Гулиа и многочисленных его сверстников казалась святыней, стоял эскадрон, и классы были превращены в конюшни»[2].

А. М. Чочуа рассказывает, что в те дни, когда меньшевики вели себя зверски развязно (1919 г.), попирая все святые законы народа, во дворе горской школы собрались представители абхазского населения и потребовали открытия своей школы. На этом собрании, как передает А. М. Чочуа, — выступил Дмитрий Алания — смотритель школы, который рассказал собравшимся историю развития горской школы со дня ее открытия.

Здесь было решено не только открыть горскую школу, 2-х классную, а реорганизовать ее в высшее 4-х классное училище, что и было сделано. С победой Великой Октябрьской социалистической революции в стране началось великое обновление, началась грандиозная работа партии по просвещению многомиллионных масс.

Ключевым звеном осуществления культурной революции явилось преодоление наиболее тяжелого наследия прошлого — массовой неграмотности.

В 1919 году, когда молодая советская республика переживала очень тяжелое время, В. И. Ленин подписал Декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Проведение в жизнь этого декрета было отмечено небывалым энтузиазмом всего советского народа. А в Абхазии народ вел решительную борьбу за свержение меньшевистского самочинства.

Сразу же после установления Советской власти, трудящиеся Абхазии под руководством большевистской партии взя-

[1] Д. И. Гулиа, соч., т. 4, Сухуми, 1962, стр. 144.
[2] Г. Гулиа. Д. И. Гулиа, Молодая гвардия, Москва, 1963, стр. 124.

лись за строительство нового социалистического общества, за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, за укрепление дружбы между народами, населяющими территорию Абхазии, и за преобразования в области народного просвещения.

В целях сплочения учительства вокруг партии большевиков и поднятия роли учителя в новой советской школе, Народный комиссариат по просвещению Абхазской АССР выпустил обращение, в котором говорилось:

«Товарищ учитель! Наступила новая эра. Идет решительная ломка всей нашей жизни... Впереди простор, свет, свобода и радость творческого труда. Рушится и наша старая школа, давно осужденная лучшей, передовой педагогической, мыслью, отставшая от жизни, косная, рутинная, пахнувшая мертвечиной. Новая, свежая сила жизни должна войти в школу, откуда могло бы выйти сильное, здоровое, вооруженное действительным знанием, новое поколение, которое довершит дело, начатое нами — дело перестройки нашей жизни на новых началах»[1].

Передовые учителя со всей ответственностью принялись за строительство новой социалистической школы.

К моменту установления Советской власти в Абхазии видными деятелями народного просвещения, честно служившими своему народу, открывшими перед ним правду жизни, были Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, С. П. Басария, Ф. Х. Эшба, П. С. Шакрыл, К. Ф. Дзидзария и другие. С их именами связаны первые ростки народного просвещения в Абхазии. Они энергично берутся за организацию новых школ, за подготовку новых учительских кадров.

Еще на первом съезде трудящихся Абхазии, 28 мая 1921 года, председатель Ревкома К. Эшба в своем докладе «О Советском строительстве» особо подчеркнул, что необходимо приступить к энергичной культурно-просветительной работе среди широких масс трудящихся. Он отметил, что Советская власть будет организовывать сеть школ, но не по шаблону старой школы, а по типу школ РСФСР, являющихся единой школой грамотности, обеспечивающей знание жизни. Были открыты все пути к просвещению народа.

«Мы с каждым годом констатируем все более и более нетерпимую жажду к обучению, к культуре со стороны масс нашего населения»[2], — говорил нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский. Это всецело относится и к абхазскому народу, ранее темному, отсталому и забитому.

[1] ЦГАА, ф. 8, д. 23, л. 85.
[2] А. В. Луначарский. О народном образовании. М., 1958, стр. 371.

1921—1930 годы — период напряженной борьбы за новую, советскую школу, период коренных реформ в учебной жизни. В горскую школу пришли новые учащиеся из среды крестьян и рабочих, новые педагоги. Стали проводиться нововведения в учебной работе школы. Дух коллективизма и общественной заинтересованности сменил замкнутость, изолированность, господствовавшие в старой горской школе.

Так с первых же дней установления Советской власти партия большевиков со всей серьезностью берется за поднятие народного просвещения.

Особо был поставлен вопрос о подготовке новых педагогических кадров.

В. И. Ленин постоянно заботился об учителе—строителе новой советской школы, о поднятии его роли и писал, что необходимо «сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики». Он мечтал о том, чтобы «поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре»[1].

А. В. Луначарский сравнивал учителя с грандиозным фильтром, через который проходит вся новая жизнь.

Были приняты все меры к тому, чтобы переподготовить старые учительские кадры для работы в школе нового типа. В июне 1921 года открылись первые курсы, в которых учителя знакомились с задачами единой трудовой советской школы. На этих курсах был широко использован опыт, накопленный советской школой в Российской федеративной республике за три года (с 1917 по 1921 гг.).

С 1921 года Народный комиссариат по просвещению стал ежегодно проводить двухмесячные курсы переподготовки учителей во время летних каникул. А в 1926 году в Сухуми начали работу свои двухгодичные педагогические курсы. Так велась переподготовка старых учительских кадров.

Наряду с этими росла сеть новых национальных школ в Абхазии. В 1924—1925 учебном году в Абхазии имелось 44 учебных заведения только абхазских. Наряду с абхазскими, полнокровной жизнью жили и трудились грузинские, русские, армянские, греческие, эстонские и немецкие школы. Занятия в этих школах проводились на родном языке учащихся, что было совершенно новым явлением для них.

Большевики со всей серьезностью взялись за полную ликвидацию безграмотности населения, которая оставалась тяжелым наследием от царского правительства.

[1] В. И. Ленин, соч., т. 33, стр. 423—424.

Основными направляющими факторами развития народного просвещения в Абхазии явились высказывания и советы вождя трудящихся масс В. И. Ленина по народному просвещению. Директивы Коммунистической партии и правительства о просвещении народа, о культурной революции в городе и деревне помогали абхазскому народу, находившемуся в темноте и невежестве, приобщиться к грамоте, к культуре, к ликвидации национальных, сословных и других ограничений в области школьного обучения.

Как уже упоминалось, в декабре 1919 года был опубликован за подписью В. И. Ленина декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в котором указывалось, что «все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию».

Каждый народ имел право получить образование на родном языке. Таким образом и для абхазского народа открылся путь к созданию культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

В результате успешного проведения кампании массовой ликвидации неграмотности, лишь за два года школы по ликвидации безграмотности окончили 3.330 человек. Так в ранее темной, неграмотной Абхазии произошла подлинно культурная революция.

Советская абхазская школа получила новую систему обучения, учебные планы, программы и учебники на родном языке.

Повседневная забота партии и правительства о развитии просвещения и культуры народов нашей страны приносит с каждым годом все новые и новые успехи. На всех этапах победоносного движения вперед школа в Абхазии развивалась и крепла вместе с социалистическим строем. В каждый исторический период, в соответствии с поставленными перед ней задачами, она выполняла свою важную роль в строительстве нового общества, в воспитании молодого поколения, способного окончательно установить коммунизм.

Спустя год после установления Советской власти Сухумскую абхазскую школу возглавляет незабвенный К. Ф. Дзидзария.

С именем Кондрата Федоровича связана вся огромная работа, которая была проведена по перестройке старой горской школы на новых началах, перевод ее на новые рельсы советской школы.

К. Ф. Дзидзария, как никто из предшествующих ему смотрителей школы, сумел расширить ее материальную базу, по-

добрать подготовленные педагогические кадры и сплотить их, поднять дисциплину среди учащихся, развязать инициативу ученической, комсомольской и пионерской организаций.

К. Ф. Дзидзария родился в 1891 году в с. Лыхны Гудаутского района, в семье крестьянина.

Он рос в своем селе и учился в церковно-приходской школе, где были отмечены его хорошее поведение, отличная успеваемость и склонности к музыке и поэзии.

В возрасте тринадцати лет он приезжает для поступления в Псырцхинскую (Н. Афонскую) начальную учительскую школу. По словам свидетелей, в эту школу принимались кандидаты не по знаниям, а по жеребьевке. И вот маленькому Кондрату повезло — он принят. Блестяще окончив Псырцхинскую школу, Кондрат Дзидзария поступает в Сухумскую учительскую семинарию.

Кондрат Федорович получает квалификацию учителя и сейчас же назначается смотрителем Лыхненской школы. Здесь он ведет плодотворную педагогическую работу в течение пяти лет (1917—1921 гг.) и оставляет самое хорошее впечатление как у учащихся, так и у односельчан в целом.

Кондрат Федорович Дзидзария.

Педагогическую работу он сочетает с творческой работой в области искусства. Он был самородком — певцом, крупным талантливым знатоком абхазских народных песен. Вскоре Кондрат Федорович становится выдающимся пропагандистом абхазского народного искусства. Он является одним из тех, кто заложил фундамент развития абхазской музыкально-песенной культуры.

С 1921 года К. Ф. Дзидзария, как подготовленный педагог с большим кругозором и смелый проводник ленинских идей в народном просвещении, назначается инспектором Наркомпроса Абхазии. Здесь ему пришлось поработать лишь один год.

С 1922 года Кондрат Федорович назначается заведую-

щим одной из старейших центральных школ Абхазии — Сухумской горской школы.

В выборе заведующего Наркомпрос не ошибся. С первых же дней своей работы Кондрат Федорович борется за укрепление педагогического и ученического коллективов, ему удается выполнить эту задачу мастерски.

С каждым годом растет слава школы и ее руководителя. Она становится образцовой школой.

Иван Кортуа рассказывает:

«У Кондрата Федоровича был широкий кругозор, ему была чужда какая бы то ни была национальная ограниченность. Интернациональное воспитание учащихся было его основной заботой. Он всегда стремился к расширению сотрудничества в области культуры со всеми народами СССР. С этой целью он в 1926 году добивается экскурсии для окончивших школу в Москву, Ленинград и Краснодар. К окончившим школу присоединились двадцать два человека хористов и танцоров. Дзидзария подготовил большую программу выступлений.

Школьный духовой оркестр (1936 г.).

Впервые абхазская музыка и песни прозвучали в Москве (в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького), в Ленинграде и на обратном пути — в Краснодаре. В каждом из этих городов нами было дано по шести-семи выступлений, сопровождавшихся неизменным успехом... В Краснодаре мы организовали совместный концерт дружбы (с черкесами)». Таков был организаторский талант К. Ф. Дзидзария.

Как педагог-воспитатель он сочетал в себе самые хорошие черты наставника. Ему были присущи: чуткость, внимательность, отзывчивость, доброта души.

О доброте и чуткости К. Ф. Дзидзария рассказывает бывший воспитанник школы, ныне доктор исторических наук Ш. Д. Инал-ипа:

— Помню, это было в августе 1928 года. Шли приемные экзамены. Большой конкурс. Обширный двор был полон народу, в том числе находилось немало абхазов в черкесках, вооруженных кинжалами, пистолетами, приехавших верхом (другого транспорта почти не было) из ближних и дальних деревень... для поддержки своих детей или детей своих родственников. Я был одним из немногих, кто не имел никакой опоры. Но все экзамены на абхазском языке — арифметику, географию, родной язык — я сдал хорошо. Зато не повезло на экзамене по русскому языку, который я, как и другие ребята из отдаленных абхазских школ, можно сказать, совершенно не знал. Так, вместо пересказа самого несложного сюжета, прочитанного и растолкованного нам экзаменатором несколько раз, я сумел выудить из тогдашнего своего мизерного лексического запаса лишь три слова, из которых я состряпал неуклюжую фразу: «огонь работал хорошо». Провал был очевидным, и мне показалось, что произошла непоправимая катастрофа. Покинув класс, я проплакал все время, пока шли экзамены. И все же я попал в III класс интерната, чему обязан директору школы, строгому и с виду даже хмурому, а по существу замечательному педагогу и человеку К. Ф. Дзидзария, и мне приятно вспомнить, что я оправдал то, что подсказывало ему тонкое педагогическое чутье: на выпускном экзамене в 1936 году я написал сочинение по русской литературе на 12 страницах и без единой ошибки, удостоенное высшей оценки».

Вместе с тем его характерной чертой являлись требовательность к себе и окружающим.

Неутомимый Кондрат Федорович, всегда горящий огнем, нетерпимый к равнодушию и внутренней пустоте, предельно строгий, трогательно чуток и внимателен был к учащимся. Он постоянно руководствовался одним принципом: вселять в учащихся энергию, волю и уверенность.

«Однажды по формальному поводу был исключен из комсомольской организации один юноша,—рассказывает Ив. Кортуа. — Глубоко огорченный юноша тут же ушел к себе пешком в Эшеры. Узнав об этом, Кондрат Федорович сам пошел его разыскивать, привел его обратно в Сухуми, пробудил в нем желание доказать, что он является хорошим комсомольцем, и

добился через Обком комсомола отмены неправильного решения об исключении юноши из рядов комсомола».

Воспитать человека, достойного великой эпохи, научить его правильно оценивать факты, события и людей — вот цель, которую преследовал в своей педагогической деятельности К. Ф. Дзидзария.

Педагогическое мастерство К. Ф. Дзидзария заключалось именно в том, что, сохраняя строгое соподчинение, он давал широкий простор общественным силам школы, педагогическому коллективу, инициативе отдельных лиц и «развернутой системе школьного самоуправления».

Те лучшие традиции школы, которые сложились в бытность К. Ф. Дзидзария, навсегда закрепились за ней.

Школе всегда удавалось (тем более в наши дни все ярче удается) воспитывать у учащихся чувство коллективизма, высокой организованности, сознание ответственности перед коллективом и родиной, добросовестное отношение к выполнению всех своих обязанностей, развитие инициативы и творчества.

Комсомольская организация школы им. Н. Л. Лакоба стала самой деятельной и лучшей организацией комсомола в г. Сухуми.

Находясь на посту начальника комитета по делам искусств, Кондрат Федорович (как и все лучшие люди Абхазии, ставшие жертвой периода культа личности) незаслуженно был репрессирован. Но правда восторжествовала. Кондрат Федорович был освобожден, как несправедливо осужденный. Эта крепкая обида, сильно потрясшая его душу, подорвала здоровье, и в 1943 году в декабре месяце он скончался в г. Тбилиси. Похоронен К. Ф. Дзидзария в родном селе Лыхны.

Почти нет на территории Абхазии учреждений, предприятий или села, где бы не трудились воспитанники К. Ф. Дзидзария. Большинство нынешних партийных и государственных работников Абхазии в своем росте и становлении прямо или косвенно обязано замечательному воспитателю К. Ф. Дзидзария.

* * *

В первые же годы Советской власти не без инициативы Кондрата Федоровича был поставлен вопрос о реорганизации старой горской школы, о введении обучения на родном языке. Работа школы приняла совершенно иной характер.

На первых порах отсутствовали учебники и программы, да и учителей подготовленных еще не было. Ревком Абхазии решил ввести обучение на родном языке с 1 класса.

А во втором классе со второй половины года ввели изу-

Столярная мастерская при абхазской 9-летке (1930 г.).

чение русского языка. С 3 класса обучение шло на русском языке, а родной язык изучался, как предмет.

Постепенно стали издаваться и совершенствоваться программы и учебники.

До 1934/35 учебного года абхазская школа была девятилетней школой.

Параллельно при школе вели занятия двухлетние курсы по подготовке в ВУЗы.

С 1934/35 учебного года школа была реорганизована в 10-летку.

В 1934 году был произведен выпуск 2 курса (старшего) по подготовке в ВУЗ, а оставшийся курс был влит в школу — в 9 класс.

Таким образом курсы по подготовке в ВУЗ фактически в 1934 году были закрыты, а школа стала десятилеткой. Уже с 1932 года, — говорит А. М. Чочуа, — в начальной абхазской школе (с 1 по 4 классы) занятия стали проводиться исключительно на родном языке.

В 1935 году состоялся первый выпуск Сухумской абхазской средней школы.

В школе прочно устанавливается свой стиль работы. Развивается инициатива лучших передовых учителей в совершенствовании качества урока.

Со дня установления Советской власти в Абхазии жизнь школы стала полнокровной, обеспеченной и радостной.

На заре становления Советской власти большим другом

Урок труда в слесарной.

и покровителем Сухумской абхазской средней школы стал председатель ЦИКа Абхазии Н. А. Лакоба. Он всегда интересовался жизнью школы и был частым ее посетителем.

Нестор Апполонович не упускал случая принять прямое или косвенное участие во всех важных мероприятиях, которые проводила школа. Сегодня она достойно и по праву носит его имя.

С 1923 года горская школа стала называться абхазской средней школой им. Н. Лакоба[1].

Материальная база школы стала расширяться интенсивнее, особенно в те годы, когда школу стал возглавлять Кондрат Федорович Дзидзария.

По его инициативе в 1925 году школу осмотрели руководители партии и правительства Грузии М. Орахелашвили, Ш. Элиава и другие, принимавшие участие в выездной сессии Верховного Совета Грузинской ССР в г. Сухуми, после чего было ассигновано 100 тыс. руб. на строительство нового здания для абхазской средней школы им. Н. А. Лакоба.

В 1923—24 уч. году школе под общежитие для мальчиков было передано благоустроенное здание на берегу моря у зимнего театра (ныне здание абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР и республиканской библиотеки). В следующем году (1925) женская гимназия (ныне 2 СШ) была превращена (как и все

[1] Газ. «Голос трудовой Абхазии», № 71, 29 марта 1923 года.

учебные заведения) в трудовую школу, и в этом здании было устроено общежитие для девочек абхазской школы. Здесь была размещена начальная школа (I — IV классы) Сухумской средней школы им. Н. Лакоба. При переходе в 5 класс учащиеся продолжали учение в главном здании школы, расположенном по ул. Лакоба и Пушкинской.

В 1927 — 28 годах было построено двухэтажное здание на углу по проспекту Мира и ул. Пушкина.

В строительстве школы принимало участие население, учителя и учащиеся. Все строительство возглавлял Кондрат Федорович Дзидзария.

— Помню, — говорит И. Кортуа, — как мы нагружали арбы гравием, а директор наш К. Ф. Дзидзария вместе с учащимися сопровождал арбы от берега до школы и обратно. К этому большому делу все относились очень серьезно.

Сухумская абхазская средняя школа никогда не забудет прекрасных своих педагогов-воспитателей, которые отдавали педагогической деятельности всего себя.

После К. Ф. Дзидзария на посту директора школы находятся: Герия Н. Э. (1937 — 1938 гг.); Камлия К. Ш. (1939 — 1941 гг.); Шершерия К. Х. (1941 г.); Тарба В. К. (1954 — 1955 гг.); Аршба А. Г. (1955 — 1960 гг.); Чукбар Г. И. (с сентября 1960 г.). Все названные товарищи, безусловно, внесли

Урок химии ведет преподаватель А. Н. Анцыгин.

немалый вклад в развитие Сухумской абхазской средней школы им. Н. А. Лакоба.

В Сухумской горской школе в первые годы Советской власти в Абхазии преподавал родной язык замечательный сын своего народа, основоположник абхазской драматургии, большой просветитель и государственный деятель С. Я. Чанба. В 1937 году С. Я. Чанба стал жертвой произвола времен культа личности.

В различные периоды жизни школы здесь вели преподавательскую работу прекрасные учителя-воспитатели: П. С. Шакрыл, Б. А. Кация, А. А. Орынянский, В. Н. Зиздо, Л. П. Иванов, В. Н. Харазия, Ж. Ф. Грандилевская, И. И. Запорожский, А. Р. Варенница, М. Т. Ранефт, А. В. Фадеев, М. Е. Яишников, Д. К. Барцыц, С. Б. Симония-Чамагуа, О. М. Чукбар, Н. И. Петрова, Е. В. Мальцев, А. Н. Анцыгин, В. П. Данкевич, С. С. Гриневич, М. И. Загурская, В. И. Островидова, Н. И. Дробышевская, П. И. Толчин, И. Я. Тарба, А. А. Егоров, Т. И. Гицба, Н. А. Камладзе, Л. Л. Матиташвили, П. Н. Стороженко, С. В. Котовщук, С. С. Сафронов и многие другие. Это они, по праву говоря, сумели сделать школу образцовой.

Передовые учителя школы среди учащихся старших классов (1931 г.). Слева направо: Котовщук С. В. (стоит), сидят: Хвингия Н. Г., Андреев А., Гужовская З. И., Грандилевская Ж. Ф., Орынянский А. А., Дзидзария К. Ф., Шакрыл П. С. (третий справа), Данкевич Б. П. (второй справа).

Со стороны учащихся и их родителей постоянно ощущалась любовь и уважение к дорогим учителям, им безгранично верили, подражали и мечтали стать такими же, как они.

Преподаватели не ограничивались дневными занятиями, — пишет В. П. Данкевич, — приходили и по вечерам, помогали выполнять задания, организовывали внеклассную работу. Это считалось педагогическим, нравственным долгом каждого. («Советская Абхазия», 1 декабря 1963 г.).

Особо выделяется фигура большого педагога абхазской школы Платона Семеновича Шакрыла, воспитавшего много поколений в различных селах и городах Абхазии.

Доктор исторических наук Ш. Д. Инал-ипа, вспоминая своих лучших учителей Сухумской абхазской школы, пишет: — В моей памяти сохранились слова одного из выдающихся абхазских педагогов П. С. Шакрыла, с которыми он обратился к нам в первый же день учения в абхазской школе: «не ленитесь, учитесь, работайте, не жалея своих костей, любите родной язык и литературу, помните пословицу: конь умрет — поле останется, человек умрет — слово его останется. Ваших добрых слов и дел ждет Родина, которая так заботится о Вас».

Платон Семенович Шакрыл — заслуженный учитель школы Груз. ССР.

— Мне памятна работа литературного кружка, которым руководил известный абхазский педагог Платон Семенович Шакрыл, — вспоминает профессор Дзидзария Г. А., — нельзя не удивляться зрелой творческой деятельности этого кружка. Досадно, что навечно потеряны все его материалы. Там, несомненно, содержались рациональные зернышки абхазской литературы...

Большинство абхазских поэтов и писателей старшего поколения с благодарностью вспоминает имя Платона Семеновича, замечательного литератора-педагога, переводчика классических произведений русских, грузинских и других писателей нашей страны.

Трудно описать ту отеческую теплоту, педагогический такт и мастерство учителя, которыми обладал П. С. Шакрыл — рядовой учитель, имя которого ныне носит одна из лучших средних школ Абхазии — Лыхненская.

Огромный вклад в постановку учебной работы в школе внес Алексей Андреевич Орынянский — завуч и ближайший

друг К. Ф. Дзидзария. Это был высокообразованный человек большой и чуткой души.

— Глубокий след в истории школы оставил ее завуч А. А. Орынянский,—отмечает В. П. Данкевич.—Всестороннее образование, большой организаторский талант, самоотвержение, любовь к детям — все эти черты, соединившиеся в одном человеке, обаятельном и жизнерадостном, несмотря на тяжелую болезнь, составили светлый образ настоящего советского воспитателя школы. Он пользовался глубокой симпатией всего коллектива и любовью детей.

Организаторские способности А. А. Орынянского проявились в создании учебных кабинетов, в их оснащении наглядными и методическими пособиями, в методически правильной организации работы этих кабинетов. Особенное внимание было обращено на оборудование физического, химического и биологического кабинетов.

Вследствие отсутствия хороших учебников по многим предметам, А. А. Орынянским было организозано составление конспектов, которые печатались в Сухумской типографии.

А. А. Орынянский являлся также ученым-краеведом. Ему принадлежат труды: «Спутник экскурсанта по Абхазии» (1928 год), «Советская Абхазия» (1932 год), «Путеводитель по Абхазии», «От субтропиков к вечным снегам».

Последние две работы написаны им совместно с профессором А. А. Фадеевым, бывшим учителем этой школы.

— Несомненный талант, — характеризует Орынянского доктор исторических наук Инал-ипа Ш. Д., — большие организаторские способности, кристаллическая моральная чистота, прямой добрый характер приковывали к нему внимание всего педагогического коллектива и учащихся, которые, видя в нем большого друга, буквально льнули к нему.

Тяжелая болезнь подрывала силы этого незаурядного человека и талантливого педагога, до последних часов живущего интересами родной школы.

— В моем воспоминании о годах учения и пребывания в интернате Сухумской абхазской средней школы, — говорит Б. Т. Ахуба, — запечатлелась смерть завуча школы Орынянского А. А.,—всеми любимого, чуткого, отзывчивого педагога, который вникал в душу всех учащихся и находил для всех нужные наставления.

Он жил в здании 7 средней школы. Гроб с его телом для последнего прощания со школой, с учащимися и педколлективом был перенесен в здание абхазской средней школы. При перенесении гроба, на протяжении всего пути, с небольшими

интервалами, стояли в почетном карауле пионеры с красными галстуками на груди.

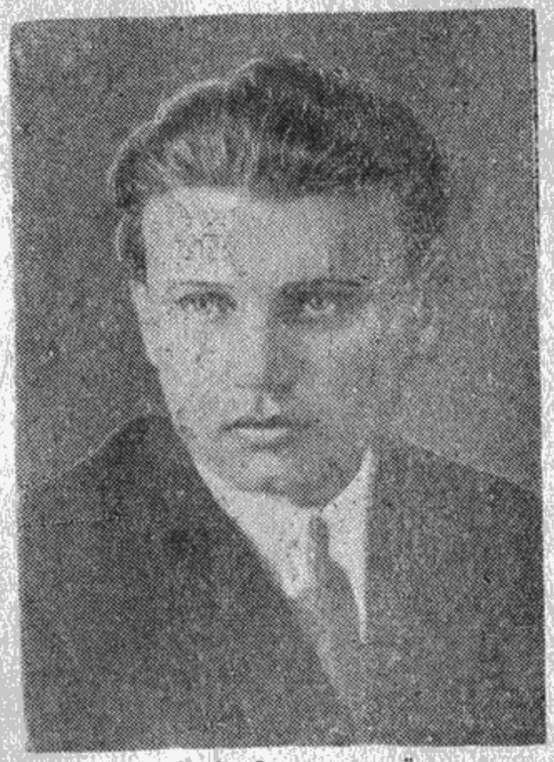
О дне похорон Орынянского А. А. Инал-ипа Ш. Д. рассказывает следующее:

«Большой школьный зал был переполнен, в середине гроб с телом человека, который ряд лет был в центре культурной жизни республики. Выступают учителя, учащиеся.

Вот подходит к покойнику З. И. Гужовская. Долго не может вымолвить слова. Наконец, произнесла только одну фразу: «Осиротела наша школа...» Затем градом полились у нее слезы. За нею вслед зарыдал весь зал».

О постановке учебного дела, в бытность А. А. Орынянского завучем, — в частности, о преподавании русского языка и литературы, заслуженный учитель школы Грузинской ССР В. П. Данкевич пишет следующее:

— В школу, как на огонек маяка, тянулись абхазские дети. В стремлении к знаниям им приходилось преодолевать большие трудности по овладению речевой культурой русского языка, ставшего для них как бы вторым родным языком. А. А. Орынянский следил за тем, чтобы наши уроки проходили на высоком уровне, в соответствии с последними достижениями педагогической методики.



А. А. Орынянский.

На уроках литературы, которые проводились в кабинете, богато иллюстрированном пособиями, практиковались доклады учащихся, часто вызывавшие горячие споры. По отдельным произведениям и темам устраивались диспуты, к ним тщательно готовились, изучались критические статьи Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Большой интерес вызывали произведения советской литературы. Диспуты были и школой выразительной, правильной речи. Здесь, как на древних сельских сходах, выступали свои, любимые ораторы. Здесь оттачивалось красноречие... У многих учащихся пробуждался интерес к самостоятельному творчеству. Силами учащихся была драматизирована повесть А. С. Пушкина «Ка-

питанская дочка». Пьеса в нескольких картинах, под заглавием «Пугачевщина», была сыграна на школьной сцене.

Напряженная творческая работа шла в других кабинетах—историческом, химическом, биологическом...

Получившая по праву наименование образцовой, школа давала своим ученикам прочные знания, которые пролагали абхазской молодежи путь в высшие учебные заведения. (В. Данкевич «Несколько страничек прошлого». «Советская Абхазия»).

Учащиеся на досуге.

Как Дзидзария К. Ф., так и Орынянский А. А. следили за систематическим пополнением школьной библиотеки, которая в их время насчитывала более 20 000 книг. В ней были всегда новинки методической литературы, которую отбирали в книжных магазинах сами преподаватели. Для популяризации и использования книжных богатств в образовательных и воспитательных целях преподаватели литературы вели большую внеклассную работу. При библиотеке был организован кружок «Друзей книги», имевший несколько секций: литературную, историческую, географическую, технической книги и др. Каждой секции выделялась часть библиотечного фонда. Члены кружка писали рецензии на книги, готовились к докладам. Большое участие в кружке принимал ученик Хухут Бгажба, ныне кандидат филологических наук, директор Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР.

Особые заслуги принадлежат большому педагогу—литератору и языковеду — Владимиру Павловичу Данкевичу. Трудно переоценить его успехи в обучении абхазских детей русскому языку и литературе. «Ни один человек, пишущий об абхазской школе, — говорит доктор исторических наук Ш. Д. Инал-ипа, — не может пройти мимо другой выдающейся фигуры — заслуженного учителя Грузинской ССР Владимира Павловича Данкевича. Десятки и сотни из числа абхазской интеллигенции прошли через руки этого большого педагога и гражданина... Лично я ему обязан очень и очень многим, особенно в отношении овладения русским языком. Громадное большинство ребят из абхазских сел так же плохо знали язык, как и я. И Владимир Павлович так усердно работал с нами, с таким знанием дела, умением заинтересовать детей, что мы скоро овладели основами сложнейшей русской грамматики и научились грамотно писать. Но его не устраивала одна простая грамотность. Он прививал нам любовь к книге, к самостоятельному художественному творчеству.

Например, он придавал большое значение выявлению и исправлению характерных орфографических ошибок у учащихся национальной школы, он читал нам вслух лучшие ученические сочинения, организовывал литературные кружки и диспуты по отдельным произведениям...».

Владимир Павлович Данкевич — заслуженный учитель Груз. ССР.

В. П. Данкевич внес значительный вклад и в развитие методической мысли и учебной литературы Абхазии. Несмотря на свой преклонный возраст, и в наши дни Владимир Павлович часто выступает в прессе, давая свои умудренные опытом советы молодым начинающим учителям, тем самым оказывая им помощь в обучении и воспитании нового поколения.

Одним из старейших педагогов школы была Жозефина Францевна Грандилевская. Она не только в совершенстве владела иностранным языком и методикой предмета, который от нее хорошо усваивали ученики

абхазцы, но и вносила много материнской теплоты в жизнь их в школьном интернате.

В период «культа личности» Грандилевская подверглась репрессиям и, будучи реабилитирована, вернулась в Сухуми, где и умерла, немного не дожив до юбилея родной школы.

Хорошую память о себе оставили у своих воспитанников замечательные педагоги, заслуженные учителя Грузинской ССР: Кация Баграт Антонович, Дробышевская Надежда Иосифовна, Толчин Петр Иванович.

Баграт Антонович, как уже говорилось, и в наши дни трудится на ниве народного просвещения, помогая молодым работникам народного образования республики своими умными советами и практически принимая участие в поднятии методической работы наших школ. Он пишет методические пособия в помощь учителю абхазского языка и литературы, ему принадлежит руководящая роль в подготовке и издании программ и учебников для абхазских школ.

Надежде Иосифовне Дробышевской принадлежат многие прекрасные учебники русского языка для начальных классов абхазских школ. Она сегодня пенсионерка, но это ничуть не мешает ей принимать активное участие в обсуждении, рецензировании, в составлении учебников.

Большим любимцем учителей и особенно учащихся был Петр Иванович Толчин — завуч школы (после Орынянского А. А.).

— Мы с нетерпением ждали его урока, — пишет о нем учительница школы В. М. Кучуберия. — И вот, наконец, идет с журналом в руках красивой походкой, с милым, улыбающимся лицом наш молодой учитель.

Сколько радости на уроке!

Сколько интересных рассказов, красивых литературных слов; какое увлекательное на редкость выразительное чтение художественной литературы.

Петр Иванович умел зажигать в нас интерес к читаемому, — продолжает Кучуберия, — любовь к положительным героям произведений и отвращение к отрицательным типам. Причем, это он делал с большим мастерством, заставлял нас глубоко прочувствовать и осмыслить содержание. Он обладал умением держаться, вести себя. Его красивая, плавная, краткая речь при анализе произведений навсегда запечатлелась в моей душе. И вот, слушая его, я мысленно мечтала быть

такой же, как он, во всем походить на него: и в преподавании, и в походке, и в разговоре, и в улыбке, и в шутках, и особенно в умении держать себя на уроках.

Петр Иванович, несмотря на свой солидный возраст, бодр, он, так же, как и в молодые годы, оптимистичен.

П. И. Толчин, вместе со своими товарищами по работе в абхазской школе, коллегами Б. А. Кация, В. П. Данкевичем, Н. И. Дробышевской, принимает самое активное участие в работе учебно-методического Совета Министерства просвещения Абхазской АССР. Они составляют учебники по языку и литературе, для младших и для старших классов абхазских школ.

Не представляется возможность назвать всех тех славных учителей-воспитателей, которые своим кропотливым трудом наставника формировали новые и новые поколения, прививали лучшие черты характера, готовили настоящих строителей коммунистического общества.

— Поистине грандиозное дело делалось в Сухумской абхазской школе, — говорит В. П. Данкевич, — для подготовки национальных кадров, в которых остро нуждалась быстро развивающаяся молодая наша республика.

Комсомольский актив школы (1932 г.).
Сидят (справа налево): А. Отырба, Л. Лакоя, П. Тужба, К. Хвичия, Х. Бгажба, Ш. Катиба, В. Зантария; стоят (справа налево): Ч. Отырба, И. Хартомачиди, В. Кантария, Д. Кураскуа, Н. Тванба, А. Чарая, И. Мгеладзе.

* * *

В школе давно сложились свои прекрасные традиции, что выражалось в хорошей организации учебного процесса, в большом размахе комсомольских и пионерских мероприятий, проводимых в школе и вне школы.

Замечательными вожаками комсомольской, пионерской и ученической организаций школы были в разное время Михаил Бгажба, Аслан Отырба, Л. Голандзия, Платон Авидзба, Владимир Гвалия, Дмитрий Хагба, Георгий Дзидзария, Баграт Шамба, Акибей Хонелия, Иван Векуа, Датико Кураскуа, Миша Фисенко (Каблицкий), Хазарат Аргун, Георгий Гезердава, Алексей Кварчелия и другие, впоследствии ставшие партийными и советскими работниками или учеными.

Мероприятия, проводимые по инициативе комсомольской организации в Сухумской абхазской средней школе, всегда выходили за рамки внутришкольных и часто становились общегородскими. Надолго запомнились литературные вечера, организованные комсомольцами школы. Особенно торжественно прошли юбилейные вечера, посвященные А. С. Пушкину и Шота Руставели. «Эти вечера, — говорит В. П. Данкевич, — явились символом дружбы абхазского, грузинского и русского народов и способствовали литературному развитию и интернациональному воспитанию учащихся.

Они имели большое образовательное и воспитательное значение. Учителя-словесники широко пользовались литературным материалом для ученических сочинений, изложений, для обучения выразительному чтению и пр. Все это развивало художественный вкус учащихся. В эстетическом воспитании их большое значение имело рисование, которое преподавал Сергей Васильевич Котовщук, ныне пенсионер. Он пробуждал в учениках творческую жилку. С помощью комсомола и учкома систематически устраивались выставки ученических рисунков, иллюстраций к произведениям, графических работ и пр. Лично им и при его содействии к юбилею Шота Руставели были созданы в красках большие художественные полотна — в этих картинах изображались различные эпизоды из гениальной поэмы «Витязь в тигровой шкуре» и портрет самого Шота Руставели».

Разговор о комсомольцах того периода не будет полным и законченным, если не сказать о жарких политбоях, которые часто проводились в 30 годах. В клубах и залах собирались комсомольцы из разных школ и устраивали диспуты по тому или иному вопросу марксизма-ленинизма. Споры длились долго. Высказывались все, кто желал. Участники политбоев

не расставались с трудами Маркса, Энгельса, Ленина, которые ими штудировались постоянно.

— Знаменитые «политбои» с учащимися других школ кончались, как правило, нашей внушительной победой, — вспоминает профессор Дзидзария Г. А.

Политбои в те годы являлись большой политической школой для комсомольцев.

* * *

Нарастающая слава школы была оборвана начавшейся в 1941 году Великой Отечественной войной.

Вспоминая о дне начала Отечественной войны, Владимир Павлович Данкевич писал:

— 21 июня 1941 года десятки юношей и девушек, их учителя, родители и общественные организации отмечали радостный день очередного выпуска воспитанников школы в жизнь. Заря нового дня встретила их страшной вестью о войне.

В 1942 г. школа была закрыта. Большинство учителей и старших учащихся ушло на фронт защищать Родину. Трудно встретить питомца Сухумской абхазской школы им. Н. Лакоба, не удостоившегося правительственной награды за защиту Родины.

Актив пионервожатых школы (1938 г.).
В центре сидят: М. Фисенко (Каблицкий) — старший пионервожатый, П. И. Толчин — завуч школы, А. Кварчелия — секретарь комитета комсомола, Т. Киселева — зав. отделом обкома ЛКСМ Грузии.

Владимир Харазия — Герой Советского Союза.

В дни Великой Отечественной войны десятки и сотни выпускников школы в борьбе с врагом показали свою стойкость, мужество и преданность Родине, народу, партии.

Многие не вернулись с поля боя. В начале войны, среди первых мужественных сынов Родины, удостоенных высоким званием Героя Советского Союза, был Владимир Харазия — один из лучших воспитанников Сухумской абхазской средней школы им. Н. А Лакоба.

Школа любовно и бережно чтит имя Володи Харазия. Его имя носит пионерская дружина. В каждом классе выделена особая парта, носящая имя Володи Харазия. Эти парты предназначены для самых лучших учащихся в классе.

Очень многие выпускники школы, ставшие командирами и политработниками, геройски пали в боях за Родину.

Сегодня нет с нами Дмитрия Хагба (бывшего первого секретаря Абхаз. обкома ЛКСМ Грузии), Инапха Л., Гезердава Г., Харджелия Д. Во имя победы над врагом не пощадили своей жизни замечательные писатели и поэты Леварса Квициниа, Владимир Агрба (драматург), Михаил Гочуа и др.

Смертью храбрых погибли бесстрашные летчики Аргун Д. и Агрба К.

Геройски погиб командир бронепоезда Сотников Б. — очень талантливый ученик школы, который еще задолго до начала войны по личному ходатайству Н. Лакоба был зачислен в Московский Государственный университет.

Своими дерзновенными подвигами в дни войны прославилась первая летчица-абхазка Мери Авидзба.

Трудно перечесть имена всех тех крупных военачальников, питомцев школы, которые умело и храбро вели свои войска в бой с врагом. В их числе генерал-майор Хасан Харазия, полковники: Голандзия Л., Симония Н., Манджгаладзе Г., Петров Г.; подполковники: Гобечия Н., Зантария Г., Цвинария Д., Кукба А., Карчава А., Агрба К., Базба Д. и др.

С полным основанием В. П. Данкевич пишет, что «война стала для учеников школы экзаменом уже не на знание, а на преданность Родине, готовность жертвовать собой ради нее. И этот экзамен они выдержали с честью, еще раз подтвердив, что педагогический коллектив школы шел верным путем».

С такими же успехами бывшие ученики школы в дни войны трудились в народном хозяйстве.

* * *

Гром войны умолк в 1945 году, а школа еще не открывалась. Казалось бы, что и надежд на открытие в ближайшие годы нет, так как по гнусному замыслу грязного кровопийцы Берия и его приспешников абхазские школы как таковые уже не существовали. Однако народ верил, что настанет день, когда вновь взойдет заря над абхазскими школами.

И вот в 1953 году, когда партия покончила с культом личности Сталина, когда вновь ожили ленинские принципы строительства коммунизма, школа обрела полнокровную жизнь (в своем доме, в своем дворе).

Слишком велики заслуги этой школы перед своим народом и не так уж просто стереть ее с лица земли.

Трудные задачи встали перед ней: собрать учащихся-абхазцев, рассеявшихся по другим школам и деревням, найти опытных и способных учителей, сплотить педагогический коллектив, создать материальную базу, организовать производственное обучение и др.

В этом помогли пришедшие в школу прежние учителя, имеющие опыт работы в национальной школе (Толчин П. И., Данкевич В. П., Хвингия Н. Г., Котовщук С. В., Матитаишвили Л. Л.). В то же время в коллектив влились свежие, молодые учительские силы, с большой энергией взявшиеся за работу.

Быстрый экономический рост нашей страны, расцвет во всех областях советской жизни помогли школе восстановить и развить в кратчайший срок учебно-воспитательную работу, снова завоевать репутацию одной из передовых школ Абхазии. Возглавили эту работу сначала В. К. Тарба, затем Г. И. Чукбар.

Через год школа заняла свое прежнее здание.

В нашей республике и за ее пределами хорошо известны имена многих и многих достойных сынов Родины, которых вырастила Сухумская абхазская школа им. Н. Лакоба.

В дни революционных событий и в первые годы строительства Советского социалистического государства, тогда еще окруженного со всех сторон врагами, среди наиболее смелых борцов за осуществление марксистско-ленинских идей в Абхазии было не мало питомцев Сухумской абхазской (горской) школы.

Многие из них пали в бою за установление Советской власти. Неизгладимой раной для народа остался, как известно, 1937 год. Среди безвинно пострадавших сынов было немало и тех, которые получили путевку в жизнь именно в Сухумской абхазской средней школе.

Школа и сегодня гордится плодами своего труда. Многие выпускники ее ныне творят благородные дела во имя торжества коммунизма. Среди них видные партийные и государственные работники республики:

М. Т. Бгажба — первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии, Ю. С. Чанба — секретарь Абхаз. обкома КП Грузии, А. Т. Отырба — заместитель председателя Совета Министров Абхазской АССР, Л. К. Назадзе — председатель Госплана Совета Министров Абхазской АССР.

В республике широко известны партийные, советские, профсоюзные и научные работники: М. Ш. Хварцкия, профессор Г. А. Дзидзария, кандидат филологических наук Х. С. Бгажба, Г. Д. Пилия, Н. Р. Акаба, Н. Б. Киут, С. Н. Алания, Д. К. Кураскуа, Д. А. Хварцкия, М. С. Арджения, К. Н. Герия, Н. С. Багапш, И. Ш. Кецба и многие другие.

Среди выпускников школы мы встречаем сегодня немало ученых, которые, шаг за шагом раскрывая неизведанные тайны нашей жизни, обогащают советскую науку.

Плодотворную научную и научно-педагогическую работу ведут доктора наук: профессор Г. А. Дзидзария, проф. З. В. Анчабадзе, М. Т. Бгажба, Ш. Д. Инал-ипа.

Сегодня с большим успехом трудятся кандидаты наук: доцент Х. С. Бгажба (директор Абхазского научно-исследовательского института им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР; заместитель директора этого института — доц. А. Ф. Хонелия.

Многие ведущие преподаватели Сухумского Государственного педагогического института им. А. М. Горького получили первоначальное образование именно в Сухумской абхазской средней школе им. Н. А. Лакоба. Среди них: доц. Г. А. Пирцхалава (заведующая кафедрой русского языка), доц. Х. Ш. Аргун (зав. кафедрой истории КПСС), кандидат филологических наук А. А. Кварчелия (зав. кафедрой абхазского языка и литературы), кандидаты наук—доцент В. И. Адамия, доцент Т. П. Шакрыл, Е. П. Шакрыл, доц. И. А. Векуа, ст. преподаватель Т. Д. Гулиа и др.

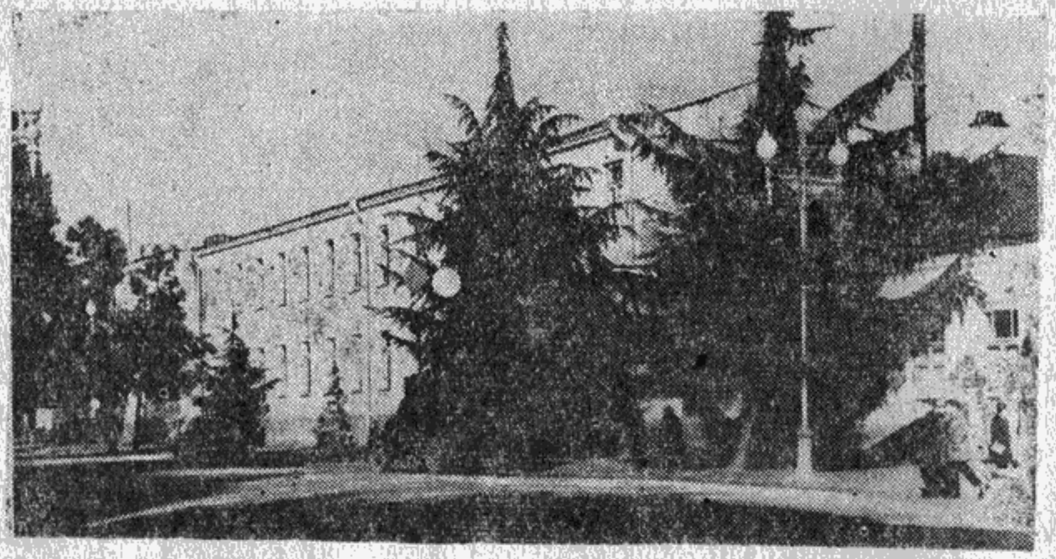
В различных областях плодотворно трудятся кандидаты наук: Б. П. Джанашиа, Н. А. Шамба, Л. Хашба, Е. И. Чамагуа, Ю. К. Темиров, Д. Александриди, Л. А. Шервашидзе, Х. Абуков и другие.

Ведущие поэты и писатели Абхазии получили первоначальное образование и приступили к своей творческой деятельности в этой школе. К ним относятся Гулиа Г. Д. (лауреат государственной премии), Цвижба Ш., Джонуа А., Сангулия С., Папаскири М., Барателия Н., Акусба Ш. и другие.

Школа по праву гордится своими питомцами, заслужившими в различных областях жизни высокое почетное звание «народный» и «заслуженный». В их списке много заслуженных учителей школ Грузинской ССР и Абхазской АССР, заслуженный врач Грузинской ССР — Эмухвари Г. Н., заслуженные врачи Абхазской АССР — А. Джанба, В. Б. Кация, А. Д. Тарба; народные артисты Грузинской ССР — Касландзия Л., Аргун-Коношок А.; заслуженные артисты Абхазской АССР — Чичба А., Вардания Ш., Авидзба Н., Маргания В.; заслуженный деятель искусств Грузинской ССР — Кортуа И., заслуженный библиотекарь Грузинской ССР — Ковалева М. и другие.

В рамках небольшой брошюры не представляется возможным назвать всех прекрасных питомцев школы, ныне вносящих свой вклад в различных областях строительства нового общества.

Прошло более 40 лет со дня установления Советской власти в Абхазии. За этот сравнительно небольшой исторический период абхазский народ под руководством Коммунистической партии при бескорыстной братской помощи великого русского, грузинского и других народов нашей Родины достиг огромных успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Совершенно по-новому развивается сегодняшняя наша школа.



Новая пристройка к зданию школы. Вид со стороны улиц Н. Лакоба и Пушкинской.

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР, с предельной ясностью отражает назревшие потребности советского общества в период перехода от социализма к коммунизму, знаменует новый этап в развитии советской школы.

За последние годы намного расширена полезная площадь Сухумской абхазской средней школы. К двухэтажному зданию пристроено 8 просторных классных комнат, которые сомкнули два корпуса школы и заняли весь квартал между проспектом Мира и ул. Н. Лакоба. Налажена отопительная система. Во дворе построена котельная, которая будет отапливать все помещения, расположенные на территории школы. Реконструировано помещение старой библиотеки.

* * *

В 1964 году будет закончена надстройка над старым одноэтажным зданием горской школы по ул. Лакоба, что превратит ее в своеобразную школу-комбинат с благоустроенными кабинетами, лабораториями и мастерскими.

В наши дни в Сухумской 10 средней школе им. Н. Лакоба работают 70 педагогов, которые твердо и уверенно ведут школу к новым успехам в соответствии с новыми задачами, поставленными законом «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

«Нельзя себе представить идеала будущего общества, — писал В. И. Ленин, — без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания».

Трудовой процесс позволяет ребенку познавать самого себя, измерять свои собственные способности и силы, практически их оценивать.

Еще в первые дни установления Советской власти, как известно, открылись трудовые школы. Применявшийся в американских школах Далтон-план[1] у нас не получил распространения.

Безусловно, Далтон-план не давал учащимся систематических и прочных знаний, не способствовал их общественному воспитанию, а напротив, умалял ведущую роль учителя и классных занятий.

Трудовая школа получила правильное применение и совершенствование только в советских условиях. До 1930 годов в наших школах организованно, по программе проходило обучение учащихся различным практическим работам в специальных мастерских. Сухумская абхазская средняя школа отличалась своими прекрасными мастерскими и лабораториями. Времена культа личности сковали трудовое обучение. Обучение в школе потекло по пути отрыва от жизни, от производства. Подлинно трудовая школа создана в наших условиях, когда партия поставила вопрос об установлении тесной связи образования с производительным трудом учащихся, школы с жизнью и производством, о подготовке школьников к трудовой деятельности, воспитании всесторонне развитых строителей коммунистического общества.

---

1 Одна из форм организации учебного процесса, реализующая идею индивидуализированного обучения.

Сейчас в Сухумской абхазской средней школе трудовое обучение осуществляется в полном соответствии с программой. Имеются слесарная и столярная мастерские, оборудованные всеми необходимыми станками. Учащиеся—девочки 5—8 классов проходят домоводство. Практику по приготовлению пищи и сервировке стола учащиеся проходят на базе школьной столовой. Большой похвалы достойна деятельность директора школы Г. И. Чукбар в создании и расширении мастерских и вообще укреплении материальной базы школы.

По производственному обучению учащиеся IX — X — XI классов специализируются по трем профессиям (радиомонтажники, слесаря-авторемонтники, швейное дело).

В 1961/62 учебном году впервые 34 выпускникам вместе с аттестатами зрелости вручили свидетельства о получении ими специальности слесаря-авторемонтника, водителя автомашины и радиомонтажника. А в 1962/63 уч. году школа выпустила 21 специалиста — радиомонтажника с присвоением соответствующего разряда.

В швейной мастерской школы.

В 1963/64 уч. году в 9, 10 и 11 классах радиоделу изучают 82 учащихся, швейное дело — 106, и авторемонтное дело — 60 учащихся.

Производственная база школы вполне обеспечивает прохождение программы.

* * *

В наши дни школа проводит большую работу по разрешению вопроса активизации процесса обучения и повышения эффективности урока.

Много внимания, сил, времени уделяет педагогический коллектив школы методической работе, решению коренных проблем воспитательного процесса. Работу педколлектива умело возглавляет Б. В. Масальский — очень энергичный, беспокойный завуч школы. Плодотворную работу ведут завучи: Гвалия Г. В. и Асланян Г. С.

В педагогическом коллективе много молодых свежих сил, но есть и такие, у которых они учатся, перенимают богатый опыт обучения и воспитания поколения.

В слесарной мастерской школы.

Среди них заслуженные учителя школ Грузинской ССР (Габлия Т. Б. — преподаватель начальных классов и Эфтимович А. Ф. — преподаватель математики); заслуженные учителя школ Абхазской АССР (Ашуба П. А. — преподаватель биологии, Масальский Б. В. (завуч) — преподаватель физики, Бадия С. М. — преподаватель начальных классов).

В целом педагогический состав 10 СШ им. Н. Лакоба заслуженно характеризуется, как трудолюбивый, спаянный

коллектив, где постоянно чувствуется веяние нового в нашей большой советской педагогической мысли.

С целью повышения педагогического мастерства, обмена опытом и координации работы между преподавателями отдельных предметов, проводится методическая работа по единому плану, составленному дирекцией школы.

В школе постоянно работают методические объединения:

1. Абхазского языка — Микамба В. М.
2. Русского языка и истории — Гулиа А. М.
3. Математики — Эфтимович А. Ф.
4. Химии, биологии, географии — Хвингия Н. Г.
5. Иностранный язык — Царбак К. П.
6. Политехнического обучения — Асланян Г. С.
7. Начальных 1—2 классов — Шевченко А. Н.
8. Начальных 3—4 классов — Киласония З. М.
9. Классных руководителей — Масальский Б. В. (завуч).

Эти объединения разрабатывают методические приемы, способствующие укреплению связи обучения с окружающей жизнью, с производством.

Каждая методическая комиссия работает по плану, составленному на полугодие.

Заслуженные учителя школы и отличники народного образования. Слева направо: Габлия Т. Б., Кучуберия В. М., Бадия С. М., Гвалия Г. В., Масальский Б. В., Ашуба П. А., Киласония З. М., Хвингия Н. Г.

В прошлом учебном году наиболее интересные доклады были сделаны преподавателями: Сафроновой Ж. В. на тему: «Уроки русского языка в 7—8 классах в свете опыта липецких учителей».

Гулиа А. М. — «Из опыта работы по повышению эффективности уроков истории».

Тания М. И. — «Решение арифметических задач».

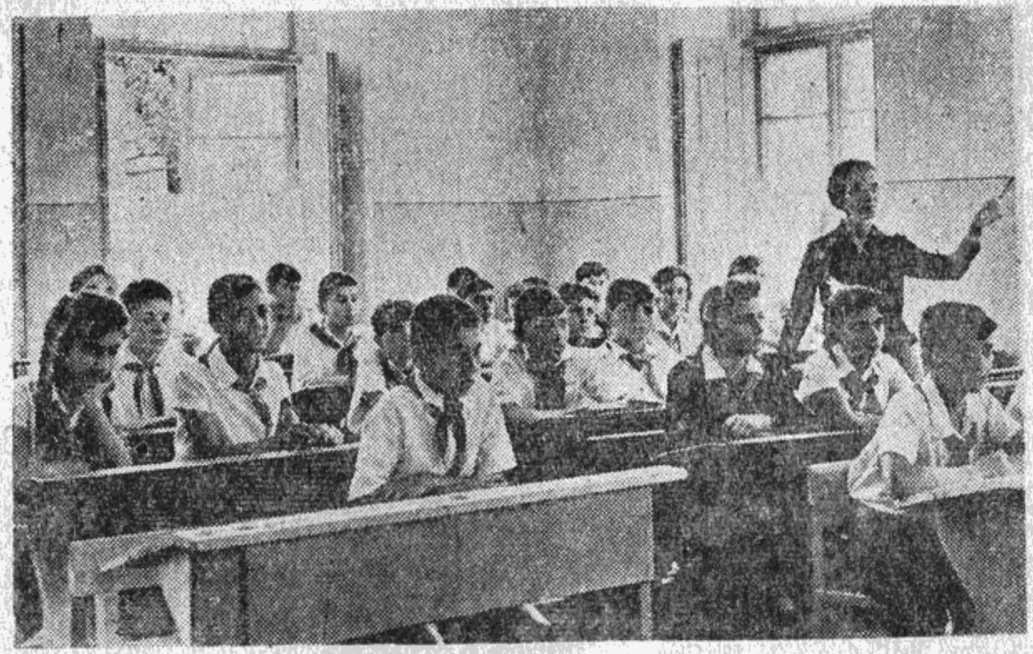
Хвингия Н. Г. — «Преподавание биологии в условиях г. Сухуми».

Царбак К. П. — «Внеклассная работа по иностранному языку в школе».

Масальский Б. В. — « За совершенствование учебного процесса».

Подвальная Р. — «Эстетическое воспитание учащихся в начальных школах».

На мероприятия, проводимые методическими объединениями школы, всегда приглашаются и учителя других школ города.



На уроке абхазского языка.

Педагогический коллектив школы по своему составу является наиболее подготовленным в масштабе города и всей республики. В прошлом году здесь было проведено 10 открытых уроков с приглашением учителей города и представителей органов просвещения. При обсуждении эти уроки получили высокую оценку. Школа систематически работает над

внедрением опыта липецких и других советских педагогов. Учителя 10 СШ являются одними из тех, кто организовал школу передового опыта как у себя, так и при Доме учителя в городе Сухуми.

В 10 СШ ведут плодотворную работу и предметные кружки.

Работают кружки: математики (рук. Абас-Оглы Т. Р. и Ладария Н. А.); русского языка (рук. Тужба И. И., Сафронова Ж. В.); биологии (Хвингия Н. Г. и Ашуба П. А.); абхазского языка (рук. Миканба В. М.); юных физиков (рук. Смирных А. С.); химии (Токарева С. Н.).

Коллектив учителей 10 СШ всегда стремится к поискам и пропаганде новых форм обучения. Все новые начинания лучших учителей страны в обучении и воспитании учащихся находят свое применение и дальнейшее развитие в этой школе.

Из 978 учащихся в прошлом учебном году на отлично училось 72 ученика, а 208 только на хорошо и отлично.

— Самая лучшая проверка работы школы по подготовке учащихся к жизни — это дальнейший путь наших воспитанников, — говорит директор школы Г. И. Чукбар. Вот что говорят данные за последние три года.

Из 35 окончивших в 1960/61 уч. году в разные вузы страны поступили 28 учащихся, а остальные устроились на работу. Из 34 выпускников 1961/62 уч. года в вузы поступили 19 человек, а остальные все работают. Наконец, из 21 выпускника 1962/63 уч. года в вузы поступили 17 человек, а остальные поступили на работу по полученной в школе профессии. Эти цифры говорят о больших достижениях Сухумской абхазской средней школы им. Н. Лакоба.

Здесь хорошо поставлен спорт.

Спортивными секциями охвачено 180 человек. Все они являются воспитанниками детских спортивных школ. Учащиеся проходят спортивную гимнастику, художественную гимнастику, легкую атлетику, настольный теннис. Школа располагает хорошо оборудованным спортивным залом. Учащиеся приходят на занятия обязательно в спортивной форме.

Свыше 30 учащихся школы члены сборных команд Грузии. Такими спортсменами являются Какалия Ж., Мурадян Р., Дарский А., Малхасян Т. и др.

* * *

Огромное внимание уделяется в школе внеклассной работе по идейно-политическому и эстетическому воспитанию учащихся. Внеклассные мероприятия сочетаются с большой воспитательной работой, проводимой на уроках. Основную

Педагогический коллектив Сухумской абхазской средней школы им. Н. А. Лакоба в день столетнего юбилея.

работу в этом направлении проводят комсомольские и ученические организации.

Комсомольская организация школы насчитывает 173 человека. По примеру передовых школ г. Москвы структура ученической организации школы в 1962/63 уч. году была перестроена. Функции Комитета и Учкома школы распределены с таким расчетом, чтобы не дублировать друг друга, для чего были созданы следующие общешкольные комиссии:

1. Старостат — руководит учком;
2. Учебная — руководит комитет комсомола;
3. Политико-просветительная — руководит комитет комсомола;
4. Культмассовая — рук. комитет комсомола;
5. Трудовая — рук. комитет комсомола;
6. Редколлегия — рук. комитет комсомола;
7. Физкультурно-спортивная — руководит учком;
8. Туризм — рук. учком;
9. Санитарная — рук. учком.

Практика показала, что это намного улучшило работу комсомольской и ученической организаций.

В 1962/63 учебном году по инициативе комсомольской организации проводились интересные вечера и встречи. В учебном году провели 4 встречи с иностранными делегациями

(чехами, немцами), провели вечер встречи с выпускниками школы в традиционный день 2 февраля. Интересно провели новогодний бал-карнавал; вечер, посвященный выбору профессий и др. Здесь большую работу ведут кружки самодеятельности. Хоровой кружок охватывает более 120 человек; хореографический — более 60 учащихся.

В конце 1962/63 учебного года на городской и областной олимпиаде участники самодеятельности 10 СШ поделили первые места с лучшими коллективами школ г. Сухуми.

* * *

Одной из наиболее важных сторон жизни Сухумской абхазской средней школы является интернациональное воспитание учащихся.

Со дня ее открытия по настоящее время здесь проходят обучение дети самых различных национальностей: абхазцев, грузин, русских, армян, греков и др.

И все они любят свою родную школу, которая вырастила их, дала им знания и путевку в жизнь.

Очень характерно стихотворение армянского поэта А. Караханяна, которое (в переводе с армянского В. Чантурия) автор посвятил столетию Сухумской абхазской средней школы им. Н. Лакоба.

В школе праздник. Речи юбилейные.
Мне дышать волненье не дает:
Сын мой в хоре о великом Ленине
На грузинском языке поет.

Целое столетье дарит знания
Эта школа тысячам ребят.
Крылья для полета и дерзания
Крепнут здесь у них, как у орлят.

Гулиа стихи, как откровение,
Сердце юных в школе познает.
Сын мой в хоре о великом Ленине
На абхазском языке поет.

Будущие зодчие за партою;
Космонавты, чей маршрут — на Марс,
Словно мать заботливая, партия
В путь-дорогу наставляет вас.

Пусть из поколения в поколение
Будет дружбой славен наш народ.
Сын мой в хоре о великом Ленине
Песнь на русском языке поет.

Учащиеся на турбоэлектроходе «Абхазия», у своих шефов.

* * *

Достойно всякого одобрения систематическое проведение экскурсий, вошедшее в традицию 10 СШ.

Учащиеся 10 СШ им. Н. Лакоба побывали на Батумской швейной фабрике, Кутаисском автомобильном заводе, Сочинском телевизионном центре. Были организованы экскурсии в индустриальный Ткварчели, Новый Афон, Пицунду.

В конце 1962/63 учебного года все отличники школы совершили путешествие на шефствующем корабле «Абхазия» в Одессу и по городам Черноморского побережья.

Нельзя обойти молчанием дружбу, которую завязали учащиеся 10 СШ им. Н. Лакоба с командой корабля «Абхазия». Последняя сумела так сблизиться с учащимися, учителями и родителями этой школы, что каждый заход корабля в Сухумский порт приносит с собою своеобразный праздник для школы, учащиеся в свою очередь радуют моряков хорошим учением. Веселые встречи, гуляния, экскурсии — все это плоды настоящей дружбы между школой им. Н. Лакоба и кораблем «Абхазия».

* * *

На большой форум — торжественное собрание по случаю столетней годовщины со дня основания Сухумской абхазской средней школы пришли представители разных профессий, организаций, учреждений — люди самых разных возрастов.

Здесь, в зале Сухумского драматического театра, были и те, которые учили, и те, которые у них учились и теперь встретились, как равные, и самое юное поколение, которое еще сидит за школьной партой.

С приветственными речами выступали представители центральных правительственных учреждений, партийных и комсомольских организаций, родителей, шефов школы.

От имени Абхазского обкома Компартии Грузии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Абхазской АССР школу-юбиляра горячо приветствует первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии М. Т. Бгажба. Он говорит о больших заслугах школы, сделавшей очень много для развития культуры в республике, о тех людях, что отдавали свой труд воспитанию и образованию целых поколений. Так же тепло прозвучало приветствие комсомола республики.

В торжественной обстановке награждается значком «Отличник просвещения» и почетными грамотами Министерства просвещения Грузии ряд педагогов школы.

Приехал на юбилей Владимир Литвак — секретарь комсомольской организации турбоэлектрохода «Абхазия», много лет шефствующего над школой. Он взволнованно говорит о дружбе моряков со школой, желает ее педагогам и учащимся самых больших успехов в труде и учении и преподносит школе от имени моряков ценные подарки.

Воспоминаниями о своих ученических годах поделились доктора исторических наук профессор Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа.

Вспоминая о тех своих наставниках, которые дали ему путевку в жизнь, профессор Г. А. Дзидзария так сказал об учителе русского языка и литературы:

«Я до сих пор не могу говорить с Владимиром Павловичем без какого-то внутреннего волнения. Ему обязан своим пристрастием к книге. В моей личной библиотеке имеется редкое издание сборника стихов Н. А. Некрасова, который он подарил мне за какой-то, видимо, добрый поступок».

От старых учителей абхазской школы выступил с приветственной речью заслуженный учитель Грузинской ССР В. П. Данкевич. «Советская Абхазия» об этом выступлении писала:

«Какие волнующие минуты пережил каждый, кто был в зале, когда слово предоставили старому учителю абхазской школы. Стоя приветствовали собравшиеся педагога, воздавая дань уважения благородному труду учителя, все силы своей души, все свои знания отдающего воспитанию молодежи» («Советская Абхазия» 8 декабря 1963 года).

Обращаясь к молодому поколению учителей, педагог говорил: «Учитель стоит на самом ответственном участке великой стройки коммунизма — он растит нового человека коммунистического завтра. Материал, с которым он работает, самый ценный — это детская душа. Поэтому от него требуются особые качества. Учитель всегда является образцом высокой моральной чистоты, гуманности, справедливости, идейности, глубоких знаний. Он должен чтить лучшие традиции школы, чтобы сохранить их для следующих поколений».

Поздравляя учащихся абхазской школы, присутствовавших в зале, с праздником — юбилеем школы, наставник призывал их вооружаться, прежде всего, знаниями и трудовыми навыками:

«Чем больше будете знать, тем легче и радостнее будет ваша жизнь. Не упускайте золотое время, чтобы потом не пожалеть о потерянных годах. Пусть вас воодушевляют примеры патриарха абхазской литературы Дмитрия Гулиа, Героя Советского Союза Владимира Харазия, первой летчицы-абхазки Мери Авидзба, молодых ученых Абхазии и многих других — ваших старших братьев и отцов. Желаем вам отличных успехов и крепкой дружбы с товарищами и учителями».

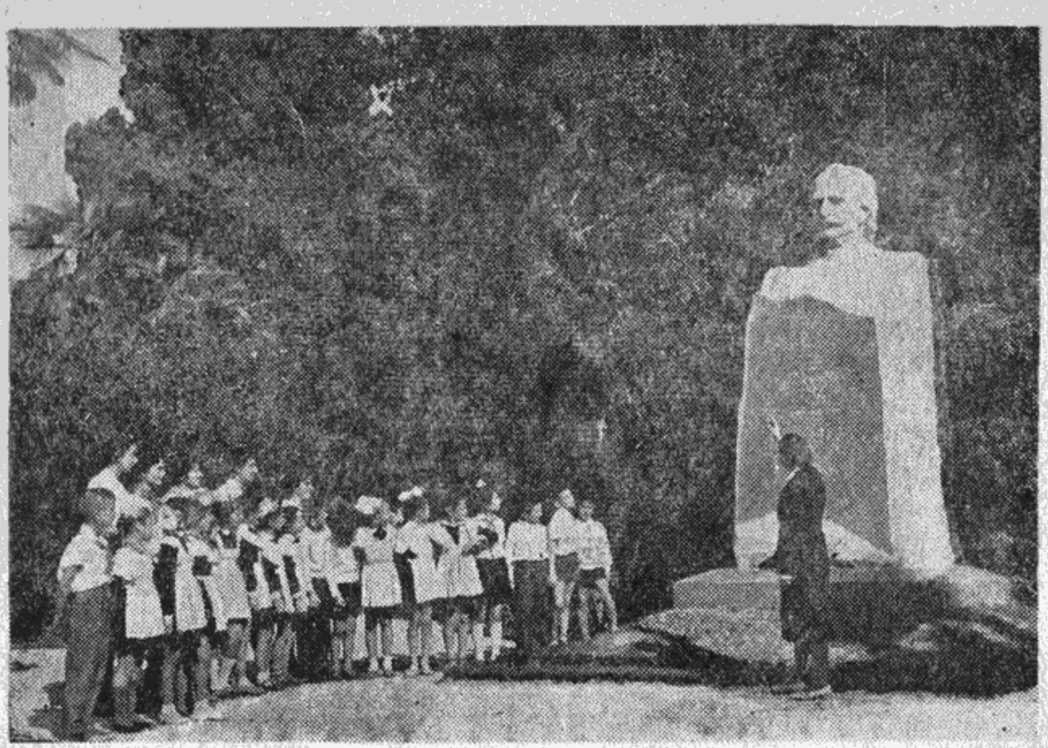
Проникновенно звучали слова, обращенные к бывшим питомцам школы:

«Нам, вашим учителям, выпало на долю большое счастье — видеть, как семена, посеянные школой, взошли и дают обильные свежие всходы. Вы являетесь участниками грандиозного коммунистического строительства в нашей стране. Мы радуемся вашим успехам, гордимся ими. Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Работайте для него. Приближайте его»...

Свое приветствие тов. Данкевич закончил стихами А. С. Пушкина, в которых великий поэт-жизнелюбец выразил чувство оптимизма, не покидавшее его даже в изгнании.

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

В заключение вечера был дан большой концерт силами художественной самодеятельности учащихся школы. «Это было яркое, красочное зрелище. В музыке, песнях и стихах воспевались великий Ленин и созданная им партия коммунистов,



Школьники у памятника Д. И. Гулиа.

прославлялась родная школа, в стенах которой растет и мужает достойная смена строителей коммунизма». («Советская Абхазия»).

Столетний юбилей Сухумской абхазской средней школы им. Н. Лакоба обязывает нас с особым вниманием изучить громадный исторический путь, пройденный ею, осмыслить ее лучшие традиции, богатейший опыт и творчески использовать их в практике нашей школьной жизни.

Сто лет — большая и светлая дата. Трудно в краткой форме описать всю многогранную жизнь школы, пройденную за такой большой период времени. В целом, как мы видим, жизнь школы разделяется на два полвека, совершенно разных и противоположных, как день и ночь. Это — школа до установления Советской власти, когда жизнь ее протекала как бы во тьме, лишенная всякого света, лишенная минимальных условий жизни, строящая свою работу наощупь, вследствие отсутствия программ, учебников, учебных пособий и, в конечном итоге, дающая слишком низкие знания своим учащимся, — и школа советская.

С установлением Советской власти она обрела полнокровную жизнь, ее уделом стали успех, признание, жизнь, полная радостного творческого труда.

Обучение и воспитание в школе стали строиться на основных принципах марксистского учения о гармоническом развитии нового подрастающего поколения и подготовке его к трудовой жизни.

Школа получила единые программы, учебники и учебные пособия на родном языке.

Сегодняшняя десятая абхазская средняя школа им. Н. Лакоба уже не та, старая дореволюционная школа, которая выпускала юношей и девушек с ограниченными знаниями и без определенных профессий. Она уже готовит специалистов для самостоятельной трудовой деятельности в той или иной области хозяйственной и культурной жизни.

Безусловно, эпоха космических полетов, эпоха мирного освоения атома не могут не предъявлять свои требования к школе.

«Сейчас, когда наш народ сооружает величественное здание коммунизма, — говорит товарищ Хрущев, — мы не можем не думать о том, какие строители придут нам на смену завтра, чтобы завершить это строительство».

Великие задачи строительства нового общества, как известно, требуют от подрастающего поколения обширных знаний, умелых рук, требуют от него любви к труду, беззаветной преданности нашей партии.

Вот почему желанием педагогического коллектива десятой средней школы, как и всего учительства, является претворение в жизнь решений партии и правительства о переводе школы на новые рельсы обучения, осуществления Закона о связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР.

Главными задачами, стоящими перед нашей школой, как известно, является воспитание у учащихся глубокой убежденности в идеалах коммунизма, воспитание советского патриотизма, преданность нашей великой Родине, делу социалистического интернационализма.

Важнейшей задачей, требующей безотлагательного своего разрешения, является трудовое воспитание учащихся, воспитание коммунистического отношения к труду, к общественному производству и общественной собственности.

Школа должна неустанно добиваться, чтобы выработанный партией моральный кодекс строителя коммунизма стал законом жизни каждого ее питомца.

Сегодня Сухумская десятая абхазская средняя школа им. Н. Лакоба по праву гордится своими успехами и может радоваться перспективам дальнейшего процветания.

100-летию Сухумской абхазской средней школы име Н. А. Лакоба посвятил свое теплое и содержательное стихо. ворение поэт П. Красинский:

Здесь Дмитрий Гулиа учился,
Чтобы потом, как Прометей,
Огонь поэзии лучистой
Зажечь в Абхазии своей.

Отсюда, чтоб по-нартски смело
Прославить Родину в боях,
Харазия Владимир сделал
В бессмертие свой первый шаг.

Семьею шумной и большою
Стремясь в грядущие года,
Стара годами, но душою
Ты, школа, вечно молода!

Нет сомнения в том, что из стен этой школы выйдет еще не одно поколение культурных, образованных, трудолюбивы юношей и девушек, способных преодолевать все трудност встречающиеся на пути к светлой и счастливой жизни.

БОРИС ГЬАРГЬ-ИҦА ҬАРБА
АҚУАТӘИ АҦСУА ШКОЛ
100 ШЫҚУСА АХЫҬРА ИАЗКНЫ
(урыс бызшәала)

ბორის გიორგის-ძე თარბა
სოხუმის აფხაზური სკოლის
100 წლისთავისათვის
(რუსულ ენაზე)

Редактор **Данкевич В. П.**

Техредактор **Хахмигери М. Д.** Корректор **Джикия Т. А.**

ЭИ00367. Сдано в набор 11.II.1964 г. Подписано к печати 13.IV.1964 г.
Форм. бум. 60×92¹/₁₆. Печатных листов 5. Уч.-издат. лист. 4,52.
Заказ № 781. Тираж 2000. Цена 17 к.

Типолитография Грузглавполиграфиздата
им. Ленина, г. Сухуми.

500 д.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Напечатано	Следует читать
16, строка 7 сверху	товарищ комиссар	товарищ комиссара
40, строка 15 снизу	К. Эшба	Е. Эшба
68, строка 8 сверху	Микамба В. М.	Миканба В. М.

Цена 17 к.